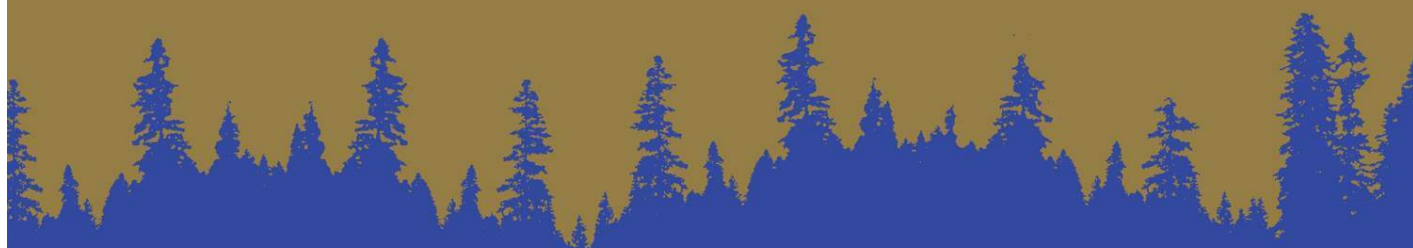


РУССКИЙ ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ



КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Книжная полка Вадима Левенталя

Сборник
Русский охотничий рассказ

ИД «Флюид ФриФлай»

1850–2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сборник

Русский охотничий рассказ / Сборник — ИД «Флюид ФриФлай»,
1850–2018 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-906827-65-4

В книге собраны рассказы об охоте – как классиков русской литературы, так и наших современников, как всемирно признанных знаменитостей, так и писателей, о которых широкая публика знает мало. Сборник позволяет проследить историю жанра охотничьего рассказа за двести лет его существования в русской литературе. Разумеется, вместить в один том всю посвященную охоте литературу невозможно. Составители постарались, однако, собрать под этой обложкой самые яркие образцы жанра и вместе с тем показать, сколь велико разнообразие внутри этой прекрасной и до сих пор живой традиции.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-65-4

© Сборник, 1850–2018
© ИД «Флюид ФриФлай», 1850–2018

Содержание

Сергей Аксаков	6
Иван Тургенев	8
Егор Дряинский	15
Лев Толстой	28
Павел Мельников-Печерский	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Коллектив авторов

Русский охотничий рассказ

© В. Авченко, 2019
© П. Крусанов, 2019
© М. Пришвин (наследники)
© В. Ремизов, 2019
© А. Снегирев, 2019
© Г. Соловьев, 2019
© М. Тарковский, 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© П. Лосев, оформление, 2019

Сергей Аксаков

Счастливым случаем

Часто случается в охоте, что именно того не находишь, чего ищешь, и наоборот: получаешь драгоценную добычу там, где об ней и не помышляешь. Много раз ездил я с другими охотниками на охоту за волками с живым поросенком, много раз караулил волков на привадах¹, много раз подстерегал тех же волков из-под гончих, стоя на самом лучшем лазу из острова, в котором находилась целая волчья выводка, – и ни одного волка в глаза не видал. Но вот что случилось со мной в молодости. Это было в 1811 году, 21 сентября. Поехал я рано утром стрелять тетеревов и вальдшнепов. День был пасмурный, и по временам моросил мелкий дождь. Я убил трех вальдшнепов и пять тетеревов, которые еще не составились, мало садились и недолго сидели на деревьях, да к тому же и ветер сгонял их. Проездив часов до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотел выстрелить во что-нибудь, чтоб разрядить ружье, заряженное средней утиной дробью, то есть 4-м номером. Несколько раз подъезжал я к беркуту (степной орел), необыкновенно смирному, который перелетал с сурчины на сурчину; два раза подъезжал я в меру, но ружье осекалось (оно было с кремнем); наконец, у самой деревенской околицы вздумал я завернуть на одно маленькое родниковое озерцо, в котором мочили конопли и на котором всегда держались утки. Только что я своротил с дороги и стал спускаться к уреме², как вдруг кучер мой, как-то оглянувшись назад, закричал: «Волки, волки!» – и осадил лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на нас за двумя молодыми собаками, которые были со мною на охоте. Я сидел верхом на дрожках, но проворно перекинулся назад, лицом к запяткам, снял ружье, висевшее у меня за спиной, и развязал платок, которым был обернут замок, потому что шел мелкий дождичек. В самую эту минуту передний волк, гнавшийся по пятам за собакой, наскочив на самые дрожки, отпрыгнул и шагах в двадцати остановился, почти боком ко мне. Я мгновенно прицелился и выстрелил: волк взвизгнул, подпрыгнул от земли на аршин и побежал прочь, другой пустился за ним; собаки спрятались под дрожки; лошади почуяли волков и подхватили было нас, но кучер скоро их удержал. Волки исчезли в небольшом, но крутоберегом вражке, называемомся и теперь Антошкин враг. Остановив лошадей, я зарядил поскорее своего испанца (так называлось мое любимое ружье) картечью, заряд которой как-то нашелся у меня в патронташе, и поскакал вслед за волками. Шагах в пятидесяти, в глубине вражка, один волк лежал, по-видимому, мертвый, а другой сидел подле него; увидев нас, он побежал прочь и, отбежав сажен сто, сел на высокую сурчину. Я, удостоверившись, что стрелянный волк точно издох, лег подле него во вражке, а кучеру велел уехать из виду вон, в противоположную сторону; я надеялся, что другой волк подойдет к убитому, но напрасно: он выл, как собака, перебежал с места на место, но ко мне не приближался. Я вышел из моей засады, кликнул кучера и попробовал подъехать к волку; но он, не убегая прочь, держался в дальнем расстоянии. Делать было нечего, я остановился, положил ружье на одно из задних колес и выстрелил: мера была шагов на полтора. Вероятно, картечь слегка задела волка, потому что он сделал прыжок и скрылся. Я воротился к убитому волку. Все это время я был в каком-то забытии, тут только опомнился и пришел в такой восторг, какого описать не умею и к какому может быть способен только двадцатилетний горячий охотник. Убить волка, поехав стрелять вальдшнепов и тетеревов, возвращаясь домой, у самой околицы, без всяких трудов, утиной дробью, из ружья, которое перед тем осеклось два раза сряду... только охотники могут понять все эти обстоятельства и оценить мою тогдашнюю радость! И какой волк! Самый матерой,

¹ Привада – приманка (здесь и далее – прим. ред., если не указано иное).

² Урема – растущий в пойме реки густой лиственный лес с высокотравьем и тростником, а также таежный лес.

даже старый! Трудно было взвалить убитого зверя на дрожки, потому что лошади не стояли на месте, храпели и шарахались, слыша волчий дух; но, наконец, кое-как я перевалил волка поперек дрожек и привез в торжестве домой мою добычу. Полдеревни и вся дворня сбежались на такое зрелище, потому что мы с кучером кричали как сумасшедшие и звали всех смотреть застреленного волка. Рассказав не менее ста раз, всем и каждому, счастливое событие со всеми его подробностями, я своими руками стащил волка к старому скорняку и заставил при себе снять с него шкуру. Я положил волку двадцать четыре дробины под левую лопатку. Волк был необыкновенно велик и сыт; в одной его ноге нашли два железных жеребья, давно заросшие в теле. Очевидно, что он был стрелян. Желудок его оказался туго набит свежим свиным мясом вместе со щетиной. По справке открылось, что в это самое утро эти самые волки зарезали молодую свинью, отбившуюся от стада. И теперь не могу я понять, как сытые волки в такое раннее время осени, середи дня, у самой деревни могли с такой наглостью броситься за собаками и набежать так близко на людей. Все охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озоруют* с жиру. В летописях охоты, конечно, можно назвать этот случай одним из самых счастливейших.

Иван Тургенев

Льгов

– Поедьте-ка в Льгов, – сказал мне однажды уже известный читателям Ермолай, – мы там уток настреляем вдоволь.

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенно пленительного, но, за неимением пока другой дичи (дело было в начале сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бегать по полям за куропатками мне надоело), я послушался моего охотника и отправился в Льгов.

Льгов – большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому – майером. На этом-то пруде, в заводях или затишьях между тростниками, выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород: кряковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр. Небольшие стаи то и дело перелетывали и носились над водою, а от выстрела поднимались такие тучи, что охотник невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорил: фу-у! Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергнулся нашим выстрелам и лишился жизни, то достать его из сплошного майера наши собаки не были в состоянии: несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну и только даром резали свои драгоценные носы об острые края тростников.

– Нет, – промолвил, наконец, Ермолай, – дело неладно: надо достать лодку... Пойдемте назад в Льгов.

Мы пошли. Не успели мы ступить несколько шагов, как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная легавая собака, и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем сильно потертом сюртуке, желтоватом жилете, панталонах цвета гри-де-лень или блё-д-амур³, наскоро засунутых в дырявые сапоги, с красным платком на шее и одноствольным ружьем за плечами. Пока наши собаки, с обычным, их породе свойственным, китайским церемониалом, снюхивались с новой для них личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвост, закидывала уши и быстро перевертывалась всем телом, не сгибая коленей и скаля зубы, незнакомец подошел к нам и чрезвычайно вежливо поклонился. Ему на вид было лет двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасом, торчали неподвижными косицами, – небольшие карие глазки приветливо моргали, – все лицо, повязанное черным платком, словно от зубной боли, сладостно улыбалось.

– Позвольте себя рекомендовать, – начал он мягким и вкрадчивым голосом, – я здешний охотник Владимир... Услышав о вашем прибытии и узнав, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, решился, если вам не будет противно, предложить вам свои услуги.

Охотник Владимир говорил, ни дать ни взять, как провинциальный молодой актер, занимающийся роли первых любовников. Я согласился на его предложение и, не дойдя еще до Льгова, уже успел узнать его историю. Он был вольноотпущенный дворовый человек; в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной. Выражался он необыкновенно изящно и, видимо, щеголял своими манерами; волокита тоже, должно быть, был страшный и,

³ Французские обозначения оттенков серого цвета: gris de lin – розовато-серый; bleu d'amour – голубовато-серый.

по всем вероятностям, успевал: русские девушки любят красноречие. Между прочим, он мне дал заметить, что посещает иногда соседних помещиков, и в город ездит в гости, и в преферанс играет, и с столичными людьми знается. Улыбался он мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла к нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губах, когда он внимал чужим речам. Он вас выслушивал, он соглашался с вами совершенно, но все-таки не терял чувства собственного достоинства и как будто хотел вам дать знать, что и он может, при случае, изъяснить свое мнение. Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный», начал было его «тыкать». Надо было видеть, с какой усмешкой Владимир говорил ему: «Вы-с...»

– Зачем вы повязаны платком? – спросил я его. – Зубы болят?

– Нет-с, – возразил он, – это более пагубное следствие неосторожности. Был у меня приятель, хороший человек-с, но вовсе не охотник, как это бывает-с. Вот-с в один день говорит он мне: «Любезный друг мой, возьми меня на охоту: я любопытно узнать – в чем состоит эта забава». Я, разумеется, не захотел отказать товарищу; достал ему, с своей стороны, ружье-с и взял его на охоту-с. Вот-с мы как следует поохотились; наконец вздумалось нам отдохнуть-с. Я сел под деревом; он же, напротив того, с своей стороны, начал выкидывать ружьем артикул-с, причем целился в меня. Я попросил его перестать, но, по неопытности своей, он не послушался-с. Выстрел грянул, и я лишился подбородка и указательного перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владимир, и Ермолай, оба решили, что без лодки охотиться было невозможно.

– У Сучка есть дощаник⁴, – заметил Владимир, – да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбегать к нему.

– К кому? – спросил я.

– А здесь человек живет, прозвище ему Сучок.

Владимир отправился к Сучку с Ермолаем. Я сказал им, что буду ждать их у церкви. Рассматривая могилы на кладбище, наткнулся я на почерневшую четырехугольную урну с следующими надписями: на одной стороне французскими буквами: «*Ci gît Théophile Henri, vicomte de Blangy*»⁵; на другой: «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; родился 1737, умре 1799 года, всего жития его было 62 года»; на третьей: «Мир его праху», а на четвертой:

Под камнем сим лежит французский эмигрант;
Породу знатную имел он и талант,
Супругу и семью оплакав избианну,
Покинул родину, тиранами попоранну;
Российския страны достигнув берегов,
Обрел на старости гостеприимный кров;
Учил детей, родителей покоил...
Всевышний судия его здесь успокоил...

Приход Ермолая, Владимира и человека с странным прозвищем Сучок прервал мои размышления.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок казался с виду отставным дворовым, лет шестидесяти.

– Есть у тебя лодка? – спросил я.

– Лодка есть, – отвечал он глухим и разбитым голосом, – да больно плоха.

⁴ Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок (прим. И. Тургенева).

⁵ «Здесь покоится Теофиль Анри, граф Бланжи» (фр.)

- А что?
- Расклеилась; да из дырьев клепки повывалились.
- Велика беда! – подхватил Ермолай. – Паклей заткнуть можно.
- Известно, можно, – подтвердил Сучок.
- Да ты кто?
- Господский рыболов.
- Как же это ты рыболов, а лодка у тебя в такой неисправности?
- Да в нашей реке и рыбы-то нету.
- Рыба не любит ржавчины болотной, – с важностью заметил мой охотник.
- Ну, – сказал я Ермолаю, – поди достань пакли и справь нам лодку, да поскорей.
- Ермолай ушел.
- А ведь этак мы, пожалуй, и ко дну пойдем? – сказал я Владимиру.
- Бог милостив, – отвечал он. – Во всяком случае должно предполагать, что пруд не глубок.
- Да, он не глубок, – заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья, – да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и колдобины⁶.
- Однако же, если трава так сильна, – заметил Владимир, – так и грести нельзя будет.
- Да кто ж на дощаниках гребет? Надо пихаться. Я с вами поеду; у меня там есть шестик, – а то и лопатой можно.
- Лопатой неловко, до дна в ином месте, пожалуй, не достанешь, – сказал Владимир.
- Оно правда, что неловко.
- Я присел на могилу в ожидании Ермолая. Владимир отошел, для приличия, несколько в сторону и тоже сел. Сучок продолжал стоять на месте, повеся голову и сложив, по старой привычке, руки за спиной.
- Скажи, пожалуйста, – начал я, – давно ты здесь рыбаком?
- Седьмой год пошел, – отвечал он, встрепенувшись.
- А прежде чем ты занимался?
- Прежде ездил кучером.
- Кто ж тебя из кучеров разжаловал?
- А новая барыня.
- Какая барыня?
- А что нас-то купила. Вы не изволите знать: Алена Тимофевна, толстая такая... немолодая.
- С чего ж она вздумала тебя в рыболовы произвести?
- А бог ее знает. Приехала к нам из своей вотчины, из Тамбова, велела всю дворню собрать, да и вышла к нам. Мы сперва к ручке, и она ничего: не сердает... А потом и стала по порядку нас расспрашивать: чем занимался, в какой должности состоял? Дошла очередь до меня; вот и спрашивает: «Ты чем был?» Говорю: «Кучером». – «Кучером? Ну, какой ты кучер, посмотри на себя: какой ты кучер? Не след тебе быть кучером, а будь у меня рыболовом и бороду сбрей. На случай моего приезда к господскому столу рыбу поставляй, слышишь?..» С тех пор вот я в рыболовах и числюсь. «Да пруд у меня, смотри, содержать в порядке...» А как его содержать в порядке?
- Чьи же вы прежде были?
- А Сергея Сергеича Пехтерева. По наследствию ему достались. Да и он нами недолго владел, всего шесть годов. У него-то вот я кучером и ездил... да не в городе – там у него другие были, а в деревне.
- И ты смолоду все был кучером?

⁶ Глубокое место, яма в пруде или реке (прим. И. Тургенева).

– Какое все кучером! В кучера-то я попал при Сергее Сергеиче, а прежде поваром был, – но не городским тоже поваром, а так, в деревне.

– У кого ж ты был поваром?

– А у прежнего барина, у Афанасия Нефедыча, у Сергея Сергеичина дяди. Льгов-то он купил, Афанасий Нефедыч купил, а Сергею Сергеичу именье-то по наследствию досталось.

– У кого купил?

– А у Татьяны Васильевны.

– У какой Татьяны Васильевны?

– А вот, что в запрошлом году умерла, под Болховым... то бишь под Карачевым, в девках... И замужем не бывала. Не изволите знать? Мы к ней поступили от ее батюшки, от Василья Семеныча. Она-таки долгонько нами владела... годиков двадцать.

– Что ж, ты и у ней был поваром?

– Сперва точно был поваром, а то и в кофишенки⁷ попал.

– Во что?

– В кофишенки.

– Это что за должность такая?

– А не знаю, батюшка. При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила.

– Твое настоящее имя Кузьма?

– Кузьма.

– И ты все время был кофишенком?

– Нет, не все время: был и ахтером.

– Неужели?

– Как же, был... на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела.

– Какие же ты роли занимал?

– Чего изволите-с?

– Что ты делал на театре?

– А вы не знаете? Вот меня возьмут и нарядят; я так и хожу наряженный, или стою, или сижу, как там придется. Говорят: вот что говори, – я и говорю. Раз слепого представлял... Под каждую веку мне по горошине положили... Как же!

– А потом чем был?

– А потом опять в повара поступил.

– За что же тебя опять в повара разжаловали?

– А брат у меня сбежал.

– Ну, а у отца твоей первой барыни чем ты был?

– А в разных должностях состоял: сперва в казачках находился, фалетором⁸ был, садовником, а то и доезжачим⁹.

– Доезжачим?... И с собаками ездил?

– Ездил и с собаками, да убился: с лошадьё упал и лошадь зашиб. Старый-то барин у нас был престрогий; велел меня выпороть да в ученье отдать в Москву, к сапожнику.

– Как в ученье? Да ты, чай, не ребенком в доезжание попал?

– Да лет, этак, мне было двадцать с лишком.

– Какое ж тут ученье в двадцать лет?

– Стало быть, ничего, можно, коли барин приказал. Да он, благо, скоро умер, – меня в деревню и вернули.

⁷ Кофешенк – смотритель за кофе, чаем, шоколадом.

⁸ Форейтор – при езде четверками или шестерками верховой, сидящий на одной из передних лошадей.

⁹ Доезжачий – старший псарь, распоряжающийся борзыми и гончими на псовой охоте.

– Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучок приподнял свое худенькое и желтенькое лицо и усмехнулся.

– Да разве этому учатся?.. Стряпают же бабы!

– Ну, – промолвил я, – видал ты, Кузьма, виды на своем веку! Что ж ты теперь в рыболовах делаешь, коль у вас рыбы нету?

– А я, батюшка, не жалуюсь. И славу богу, что в рыболовы произвели. А то вот другого, такого же, как я, старика – Андрея Пупыря – в бумажную фабрику, в черпальную, барыня приказала поставить. Грешно, говорит, даром хлеб есть... А Пупырь-то еще на милость надеялся: у него двоюродный племянник в барской конторе сидит конторщиком: доложить обещался об нем барыне, напомнить. Вот те и напомнил!.. А Пупырь в моих глазах племяннику-то в ножки кланялся.

– Есть у тебя семейство? Был женат?

– Нет, батюшка, не был. Татьяна Васильевна покойница – царство ей небесное! – никому не позволяла жениться. Сохрани бог! Бывало, говорит: «Ведь живу же я так, в девках, что за баловство! чего им надо?»

– Чем же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

– Какое, батюшка, жалованье!.. Харчи выдаются – и то слава тебе, господи! много доволен. Продли бог века нашей госпоже!

Ермолай вернулся.

– Справлена лодка, – произнес он сурово. – Ступай за шестом – ты!..

Сучок побежал за шестом. Во все время моего разговора с бедным стариком охотник Владимир поглядывал на него с презрительной улыбкой.

– Глупый человек-с, – промолвил он, когда тот ушел, – совершенно необразованный человек, мужик-с, больше ничего-с. Дворовым человеком его назвать нельзя-с... и все хвастал-с... Где ж ему быть актером-с, сами извольте рассудить-с! Напрасно изволили беспокоиться, изволили с ним разговаривать-с!

Через четверть часа мы уже сидели в дощанике Сучка. (Собак мы оставили в избе под надзором кучера Иегудиила.) Нам не очень было ловко, но охотники народ неразборчивый. У тупого, заднего конца стоял Сучок и «пихался»; мы с Владимиром сидели на перекладине лодки; Ермолай поместился спереди, у самого носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у нас под ногами. К счастью, погода была тихая, и пруд словно заснул.

Мы плыли довольно медленно. Старик с трудом выдергивал из вязкой тины свой длинный шест, весь перепутанный зелеными нитями подводных трав; сплошные круглые листья болотных лилий тоже мешали ходу нашей лодки. Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха. Утки шумно поднимались, «срывались» с пруда, испуганные нашим неожиданным появлением в их владениях, выстрелы дружно раздавались вслед за ними, и весело было видеть, как эти кургузые птицы кувыркались на воздухе, тяжело шлепались об воду. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко подраненные ныряли; иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их; но все-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью.

Владимир, к великому утешению Ермолая, стрелял вовсе не отлично и после каждого неудачного выстрела удивлялся, осматривал и продувал ружье, недоумевал и, наконец, излагал нам причину, почему он промахнулся. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно, я – довольно плохо, по обыкновению. Сучок посматривал на нас глазами человека, смолodu состоявшего на барской службе, изредка кричал: «Вон, вон еще утица!» – и то и дело почесывал спину – не руками, а приведенными в движение плечами. Погода стояла прекрасная: белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде; тростник шушукал кругом; пруд местами, как сталь, сверкал на солнце. Мы собирались вернуться в село, как вдруг с нами случилось довольно неприятное происшествие.

Мы уже давно могли заметить, что вода к нам понемногу все набиралась в дощаник. Владимиру было поручено выбрасывать ее вон посредством ковша, похищенного, на всякий случай, моим предусмотрительным охотником у зазевавшейся бабы. Дело шло как следовало, пока Владимир не забывал своей обязанности. Но к концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успевали заряжать ружья. В пылу перестрелки мы не обращали внимания на состояние нашего дощаника, – как вдруг, от сильного движения Ермолая (он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте. Мы вскрикнули, но уже было поздно: через мгновение мы стояли в воде по горло, окруженные всплывшими телами мертвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуганных и бледных лиц моих товарищей (вероятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцем); но в ту минуту, признаюсь, мне и в голову не приходило смеяться. Каждый из нас держал свое ружье над головой, и Сучок, должно быть, по привычке подражать господам, поднял шест свой кверху. Первый нарушил молчание Ермолай.

– Тьфу ты, пропасть! – пробормотал он, плюнув в воду, – какая оказия! А все ты, старый черт! – прибавил он с сердцем, обращаясь к Сучку. – Что это у тебя за лодка?

– Виноват, – пролепетал старик.

– Да и ты хорош, – продолжал мой охотник, повернув голову в направлении Владимира, – чего смотрел? чего не черпал? ты, ты, ты...

Но Владимиру было уж не до возражений: он дрожал, как лист, зуб на зуб не попадал, и совершенно бессмысленно улыбался. Куда девалось его красноречие, его чувство тонкого приличия и собственного достоинства!

Проклятый дощаник слабо колыхался под нашими ногами... В миг кораблекрушения вода нам показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпелись. Когда первый страх прошел, я оглянулся; кругом, в десяти шагах от нас, росли тростники; вдали, над их верхушками, виднелся берег. «Плохо!» – подумал я.

– Как нам быть? – спросил я Ермолая.

– А вот посмотрим: не ночевать же здесь, – ответил он. – На, ты, держи ружье, – сказал он Владимиру.

Владимир беспрекословно повиновался.

– Пойду сыщу брод, – продолжал Ермолай с уверенностью, как будто во всяком пруде непременно должен существовать брод, – взял у Сучка шест и отправился в направлении берега, осторожно выпупывая дно.

– Да ты умеешь ли плавать? – спросил я его.

– Нет, не умею, – раздался его голос из-за тростника.

– Ну, так утонет, – равнодушно заметил Сучок, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнева, и теперь, совершенно успокоенный, только изредка отдувался и, казалось, не чувствовал никакой надобности переменить свое положение.

– И без всякой пользы пропадет-с, – жалобно прибавил Владимир.

Ермолай не возвращался более часу. Этот час нам показался вечностью. Сперва мы перекинулись с ним очень усердно; потом он стал реже отвечать на наши возгласы, наконец умолк совершенно. В селе зазвонили к вечерне. Меж собой мы не разговаривали, даже старались не глядеть друг на друга. Утки носились над нашими головами; иные собирались сесть подле нас, но вдруг поднимались кверху, как говорится, «колом», и с криком улетали. Мы начинали костенеть. Сучок хлопал глазами, словно спать располагался.

Наконец, к неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

– Ну, что?

– Был на берегу; брод нашел... Пойдемте.

Мы хотели было тотчас же отправиться; но он сперва достал под водой из кармана веревку, привязал убитых уток за лапки, взял оба конца в зубы и побрел вперед; Владимир за ним, я за Владимиром. Сучок замыкал шествие. До берега было около двухсот шагов, Ермолай шел смело и безостановочно (так хорошо заметил он дорогу), лишь изредка покрикивая: «Левей, – тут направо колдобина!» или: «Правей, – тут налево завязнешь...» Иногда вода доходила нам до горла, и раза два бедный Сучок, будучи ниже всех нас ростом, захлебывался и пускал пузыри: «Ну, ну, ну!» – грозно кричал на него Ермолай, – и Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и таки выбирался на более мелкое место, но даже в крайности не решался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконец, берега.

Часа два спустя мы уже все сидели, по мере возможности обсушенные, в большом сенном сарае и собирались ужинать. Кучер Иегудиил, человек чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъем, рассудительный и заспанный, стоял у ворот и усердно потчевал табаком Сучка. (Я заметил, что кучера в России очень скоро дружатся.) Сучок нюхал с остервенением, до тошноты: плевал, кашлял и, по-видимому, чувствовал большое удовольствие. Владимир принимал томный вид, наклонял головку набок и говорил мало. Ермолай вытирал наши ружья. Собаки с преувеличенной быстротой вертели хвостами в ожидании овсянки; лошади топали и ржали под навесом... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна... На селе раздавались песни.

Егор Дриянский **Записки мелкотравчатого¹⁰** **(отрывок)**

После обеда между охотниками начался жаркий спор с различными шутками, прибаутками и прочими вариациями. Стерлядкин отпускал остроты насчет Бацова и ловко над ним подтрунивал; последний возражал, горячился, отбранивался, но все это было у него как-то невпопад, как говорят – «не в строку». Меня одолевала дремота, но уснуть не было возможности, потому что волею-неволею я обязан был состоять в роли свидетеля и посредника.

– Ну, ты, скажи, пожалуйста, так ли это все было, как я говорил? – обращался ко мне Атукаев, рассказывая о подвиге Чауса.

Вслед за тем Бацов, в споре со Стерлядкиным и прочими, приступил ко мне с умоляющим видом: «Ну, вот ты, как сторонний человек, уверь их, пожалуйста» – т. п.

Правду сказать, не выдавши по дальности расстояния ничего, что делалось на той стороне котловины, я брал многое на совесть, но, не желая оставить в одиночестве бедного Луку Лукича, поддерживал его, сколько мог.

Вскоре, однако же, этим разговорам положен был конец. Вошел стремянной¹¹ и доложил Атукаеву, что к нему припожаловал пастух Ерема.

– Ну, вот кстати; давай его сюда! – проговорил граф стремительно. – Вот вам, господа, и конец всем побасенкам, – прибавил он, обратясь к Бацову и Стерлядкину. – Верно, есть подозренный¹².

С этим словом в отворенную настежь дверь протиснулся необычайного вида человек. Ростом он был – косая сажень, лицом страшен, борода включена, в нечесаной голове торчали солома и ржаные колосья. Наряд его состоял из лаптей, посконных затасканных портов и побуревшего сермяжного полукафтаны с множеством заплат и отрепанными рукавами; под мышкой держал он баранью шапку, а в правой руке такую палицу, что ой-ой! При взгляде на это страшилище мне тотчас вспал на мысль Геснер¹³, с его Меналками, Дафнисами, Палемонами и со всею вереницею пригоженьких лиц, удержанных памятью из детского чтения. Поверх кафтана, от дождя, Ерема драпировался толстою неудобосгибающейся и не идущей в складки дерюгой, накинутой на плечи в виде гусарского ментика¹⁴.

Помолясь святым, Ерема поклонился всей честной компании, отшатнулся к притолке и загородил собой дверь.

– Что скажешь, Ерема? – начал граф.

– Русачка обошел, ваше графское сиятельство! – произнес Ерема таким голосом и тоном, по которому можно было понять сразу, что этот страшный и неуклюжий детина был простейшее и добрейшее существо.

– Хорошо. А где лежит? На чистоте? Травить можно?

– Как же, батюшка! В Мышкинских зеленях¹⁵, на мшищи¹⁶. Трави – куды хошь. Матерой русачина; сулетошний¹⁷. Он самый, батюшка, безобманно...

¹⁰ Мелкотравчатыми, на охотничьем языке, называются те охотники, которые держат не более десяти собак и охотятся с ними без гончих – на хлопки (прим. Е. Дриянского).

¹¹ Стремянной – конюх при всаднике, принимающий от него лошадь и подающий ему стремя.

¹² Подозритель – увидеть, заметить зверя на его лежке.

¹³ Геснер Саломон (1730–1788) – швейцарский поэт, автор произведений, изображающих условных пастухов и пастушек в галантном стиле.

¹⁴ Ментик – короткая накидка с меховой опушкой.

¹⁵ Зеленя – озимь, поле, засеянное озимыми.

– А, ну, если только он, так спасибо! Вот тебе за усердие, – граф подал ему целковый рубль, – а эти господа еще от себя прибавят. Только смотри, тот ли? Пожалуй, вместо его, ты насадишь собак на какого-нибудь настовика¹⁸! Как бы нам не сплеховать!

– Будьте в надежде, батюшка, ваше графское сиятельство, он самый; уж я к нему пригляделся: что ни день, почитай, выдаю. И к скотине приобвык... энтю, нарочно нагоню стадом, – только что ужимается, пес, да уши шулит¹⁹... лобанина такой...

– Ну, вот вам, господа, и делу конец! – сказал Атукаев Стерлядкину и Бацову. – Вот и увидим, чья возьмет. А уж русачок, рекомендую, распотешит дружков, если это лишь тот, которым я прошлый год потешался раз до трех. Так уж скажу наперед – одолжит! Будет за кем повозить воду! Ну, Лука Лукич?

– Что ж, пустяки, – отвечал Бацов, выпуская обильную затяжку дымом, но в этих как-то небрежно сказанных словах уже было заметно раздумье.

– Этак, пожалуй, мы, не долго думая, и на попятную... – прибавил Стерлядкин.

– У, щучья пасть! На попятную! Кто на попятную? Ты, что ли, пойдешь?

И у Бацова с Стерлядкиным пошли перекоры. Пользуясь их увлечением, граф подмигнул мне глазом, и я пошел с ним в соседнюю светелку.

– Поддерживай, пожалуйста, Луку! – сказал он почти шепотом. – Мне хочется, чтоб он отравил этого барышника (Стерлядкина): уж он слишком допекает бедного Бацова, а Карай, может быть, и оскочет: собака по породе выше Азарного.

– Что ж, господа, полноте вам спорить, не видя дела. Хотите сажать²⁰ – уступлю вам зайца, а не хотите – стану мерять своих молодых, – сказал Атукаев, входя обратно.

– Вот тебе и весь сказ! – возразил Стерлядкин Бацову. – Идет, так? Я не отступаю от вчерашнего уговора... Только не иначе, как на завладай, и заднюю по хвосту. Мне не жаль собаки...

– Ну, вот, что ты меня, дурака, что ли, нашел! Пущу я на завладай с осенистой²¹ и втравленной собакой! Тебе говорят русским языком, что Карай – погодок²² и скачет щенячьё... До угонки, изволь. Я те вставлю очки! Разве я не видал твоего редкомаха²³? За псарскими воду возит; а тут... Пустяки, брат... ты меня храбростью не удивишь!

– Ха, ха, ха! Вот он каков! А вчера как рисовался?

– Полноте, господа, кончайте! К чему тут в далекое забегать? Еще собак вздумали портить!.. Померили – и конец... Вы за славу, а мы за вас попридержим. Ты за кого держишь? – спросил меня граф.

– Я? Теперь пока не знаю. А вот взгляну, которая покажется, – отвечал я.

– Ну, и прекрасно! Так идет, что ли, господа? Велите ввести собак.

– Да к чему и вводить? У нас семь пятниц на неделе. А там, пожалуй, чего доброго, еще и разревется, как тюлень на льду, – произнес как-то свысока и самонадеянно Стерлядкин, поднимаясь со стула.

– А ты, щучья п... – начал было Бацов с свойственной ему быстротою и энергией, но граф не дал ему кончить. Все мы приступили к состязателям и уговорили их «мерить собак» просто, а сами вызвались присутствовать в качестве судей и общим приговором утвердить славу за быстреей.

¹⁶ Мшищи – мхи, участок, обильно покрытый мхом.

¹⁷ Сулетошний – старый, в годах.

¹⁸ Настовик – молодой заяц, февральский или мартовик (*прим. Е. Дриянского*).

¹⁹ Шулить – прижимать.

²⁰ Сажать – здесь: травить наперегонки, соревнуясь собаками.

²¹ Осенистая – старая, опытная собака, нескольких осеней.

²² Погодок – здесь: годовалый.

²³ Редкомаха – собака, которая во время гона бежит мерно, широко и не частит ногами.

Послали привести собак на погляденье. Первого – Азарного – ввел Стерлядкина стремянный на своре. Это была муруго-пегая²⁴, чистопсовая²⁵ собака, собранная вполне, рослая, круторебрая, на твердых ногах, но собака скамьистая²⁶ и с коротким щипцем²⁷. Увидевши своего господина, она степенно подошла к нему и положила голову на колено.

Вслед за ним, на свист Бацова, вихрем влетел Карай в комнату и, прыгнув к нему на грудь, заскиглил²⁸ и замахал хвостом.

– Ох ты мой... шалунок!.. – приговаривал Бацов, лаская своего любимца. Карай спустился на пол и начал бегать и обнюхивать. Это была очень породистая густопсовая²⁹ собака, почти во всех ладах: он был немного лещеват³⁰, но с крутым верхом³¹ и на верных ногах: сухая голова, глаза на выкате, тонкий щипец, хотя немного подуздоват³². Глядя на этого, с черною лоснящеюся шерстью и проточиной³³ на лбу, белогрудого красавца, видно было, что он еще не опсовел³⁴ и по молодости не сложился вполне, но по ладам и «розвязи» нельзя было не предпочесть его Азарному.

– Ну-с, ваше сиятельство, – сказал я полушутя, – если б пришлось попридержать, я бы не отстал от Карая.

– И прекрасно, – отвечал Атукаев, – а я, пожалуй, потянусь за Азарным.

Трутнев подобострастно примкнул к графу и хвалил Азарного; г. Бакенбарды молча управлялся с недопитым стаканом.

Карай, как будто понимая мои слова, прыгнул ко мне на грудь, но эта минутная ласка ничего не значила в сравнении с тем взглядом, каким подарил меня Бацов.

Через полчаса охота в полном составе тронулась с места. Сопутствуемые ватагой мальчишек, мы выехали за околицу. Граф приказал ловчему³⁵ идти в Глебково, но если не будет дождя, остановиться в завалах, где надеялись найти лисиц; ловчий со стаей и охотниками принял налево и пошел торной проселочной дорогой; мы же, по следам Еремы, разровнялись и поехали прямо полем. Кроме Карая и Азарного, с нами не было собак. Впереди всех, держа по-прежнему шапку под мышкой, широко шагал наш необыкновенный вожак: он, казалось, продвигался вперед очень медленно, но лошади наши постоянно шли за ним тротом³⁶; вскоре начались зеленыя, и посредине их возвышался небольшой, засеянный рожью же курган; налево это озимое поле отделялось от овсянища широким рубезом, и тот же самый рубез загибал под прямым углом и тянулся направо по легкому скату в болотную ложбину, поросшую кустарником и молодыми березками, где и заканчивались озими.

Поднявшись на темя теперь почти незаметного для нас возвышения, казавшегося издали плоским курганом, пастух остановился и показал прямо на низину поля, где, саженьях в сорока от нас, был круглый мшарник³⁷, или, лучше сказать, не засеянный рожью мочевинник³⁸, каких

²⁴ Муруго-пегая – рыже-бурая или буро-черная пятнистая собака.

²⁵ Чистопсовая – чистопородная, чистокровная русская борзая.

²⁶ Скамьистая – или прямостепая, то есть с ровной спиной (прим. Е. Дриянского).

²⁷ Щипец – т. е. пасть, вытянутая морда собаки.

²⁸ Заскиглил – завизжал, заскулил.

²⁹ Густопсовая – чистопородная собака с густой шерстью.

³⁰ Лещеватый – сухой, костлявый.

³¹ С крутым верхом – спина с овалом (прим. Е. Дриянского).

³² Подуздоват – нижняя челюсть короче верхней.

³³ Проточина – здесь: белая полоска.

³⁴ Не опсовел – то есть еще не покрылся достаточно густой (по породе) шерстью.

³⁵ Ловчий – главный псарь, старший над псарями; управляет всем порядком псовой охоты.

³⁶ Трот – аллюр, укороченная, не быстрая рысь.

³⁷ Мшарник – участок, поросший мхом.

³⁸ Мочевинник – заболоченный участок.

бывает множество в озимых полях: желтая сухая трава ярко отделялась от окаймлявших ее густых зеленей.

– Ну, как, сударики, прикажете? Куда гнать будем? – спросил Ерема Бацова и Стерлядкина.

– Да он здесь? – спросили оба разом.

– Тутотка, вон, влеве, к самой головке.

– А куда передом? Ты видел?

– Да так вот, на вынос, в угол, к рубежам.

– Не хлопчите, господа! – сказал граф. – Если это русак и материк, так я вас уверяю, что он потянет рубежом; другого ходу у него быть не может, и как вы ни отъезжайте, а на жниво вам его не сбить, скорей же заловят на зеленях, если осият.

– Как же поднимать? – спросил Бацов.

– Просто спуститесь на вашу грань – и катай из-под арапника³⁹. Сосворьте собак.

– Кому ж показывать?

– Да вот хоть мой стремянный. Ларка, – продолжал Атукаев своему стремянному, – насади собак и доскачивай! А ты, Лука Лукич, отдай свой арапник Ереме: он поднимет русака. Да не путай же своры, экая горячка! Смотри, точно на эшафот его ведут! Ну, брат, вижу, ты огневый!..

И точно, отдавши арапник пастуху, Бацов принялся сосворивать собак; я заметил, как, пропуская свору узлом внутрь, дрожащие руки его едва попадали в кольца.

– Что он делает? – крикнул граф. – Смотри, Лука, как ты сосворил? Ты захлеснешь кобелей на мертвую петлю или сам полетишь с седла!

– Ах, да не торопите... вижу!.. – приговаривал Бацов, суетливо вымахивая свору назад. Наконец, уладивши дело, он очутился в седле.

– Що ж, аль пугнуть? – спросил Ерема, бросая палку и шапку.

– Погоди, вот барин станет на место, – сказал граф.

Бацов спустился сажень на десять по скату.

– Довольно! – крикнул ему Стерлядкин. – Тут и двадцати сажень не будет.

– Ступай теперь, хлопай у края, – сказал граф. – Да не кричи, как вскочит!

Пастух, с кнутом в руке, отправился во мшарник. Стремянный подобрал поводья и стал сажень в десяти ниже Бацова.

Минута тревожного ожидания настала для всех. Мне очень хотелось взглянуть в лицо Бацову, но он стоял к нам спиной и глядел вперед. Все молчали; один только Трутнев шептал что-то Бакенбардам. Мне почему-то казалось, что Ерема и век не доползет до мшарника... но вот он очутился на краю, между кочками, посмотрел на нас и хлопнул; со вторым хлопком заяц поднялся с логова: он был почти голубой, потому что выцвел и, несмотря на раннюю осень, начал затирать пазонки⁴⁰. Пошел он не во весь бег, а перетраивал, поднимал уши, вслушивался и, приняв круто налево, держал прямо к рубежу.

– Вот так детина! – промолвил граф, любуясь выступкой русака. – С таким чертом едва ли они сладят! Этот даст себя знать!

С первым прыжком русака стремянный пустился рысью и, указывая на него арапником, приговаривал: «О-то-то-то!..» до тех пор, пока не увидел перед собою собак, после чего он пустил лошадь во весь опор и зарко⁴¹ заухал.

Как передать простым, текучим словом невыразимую быстроту и изменчивость той картины, которая развилась теперь перед нами – ясная, живая, но едва соследимая глазом?.. Мы

³⁹ Арапник – длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

⁴⁰ Пазонки – задние ноги (прим. Е. Дриянского).

⁴¹ Заркое – то есть страстное, горячее, пылкое (от слова «зариться»).

говорим: полет сокола, блеск молнии, но что нарисуют эти слова в понятии человека, слепого от рождения и не видевшего ни лета соколиного, ни синего неба, ни черных туч с их огненной утробой⁴²!..

Бацов выдержал себя молодцом; он подал собак вовремя, по-охотничьи, по первому звуку голоса доезжачего, и сам остался на месте. Собаки помчались ухо в ухо по лошади; Азарной первый воззрился⁴³ в русака, но прыть его длилась только мгновение: завидя зверя, Карай пахнул мимо его и, оставя далеко за собою, круто, щегольски угнал русака, то есть «поставил ушами назад» и сам пронесся далеко в сторону; громкое, единодушное «браво» сопровождало ему; мы тихо спустились и окружили Бацова.

Азарной, по следам Карая, примерялся, вложился, но разъехался с русаком легко, и быстроногий зверек в мгновение ока отрос⁴⁴ от него и очутился на рубеже, и пока сладились и воззрились собаки – он был уже далеко. Азарной первый пошел по нем рубежом, но тут ему суждено было осрамиться окончательно. Растерявшись от своей первой заркой угонки, Карай не скоро сладился и, не видя зайца, пошел по Азарному, но в тот миг, когда взглянул на русака, он собрался сразу, объехал Азарного «с ушей» и отделился от него настолько, что тот, скача сзади с натугой, казался словно стоячим, или, говоря языком охотника, начал «удить».

Взрыв общего одобрения раздался вокруг меня, но он был ничто в сравнении с тем необъяснимым звуком человеческого голоса, какой послышался мне с правой руки. Я взглянул на Бацова: он был бледен и смутно глядел вперед; рот у него был открыт, губы дрожали, он, мне казалось, был близок к помешательству... Да, глядя на Бацова, я только теперь понял значение слова «охотник». Нет, это не простой, обыденный, понятный каждому термин: в нем есть кое-что такое, чему, может быть, посмеются, но не разгадают, не поймут многие...

Но вот с страшной силой и неуловимой для глаза быстротой Карай швырнул зайца с рубежа на озими и сам полетел кубарем; от этого внезапного толчка оторопевший русак понесся прямо в пасть к Азарному. Новое «браво» нашего кружка приветствовало удалца; молчал один только Бацов.

Заложась навстречу к зайцу, Азарной скололся, свихнул его к рубежу, повис на нем и держал долго на шипце, но осилить не мог; Карай, справившись, снова швырнул русака от рубежа. Сбившись на зелени, заяц начал уседать, норовя все-таки достичь другого рубежа, но Карай не давал ему хода; раза два собаки скупивались, залавливали, и мы слышали даже, как стреманный отгокал⁴⁵ их... но видно, что и тут пришлось по Сеньке шапка: в тот миг, когда обе собаки скупивались и я считал уже зайца пойманным, он прыгнул на сажень вверх и, пока собаки слаживались, очутился от них сажень в двадцати и катился по рубежу прямо в кусты. Настал последний дебют для Карая, заискавшего уже общее сочувствие: все постепенные впечатления для глаза исчезли при виде той заркости и быстроты, с какой он снова подоспел к русаку и швырнул его с рубежа на соседнее жниво, но сам уже не пошел с места; зайцем завладел Азарной и, скача за ним «в намах», проводил в кусты.

Бедный наш Карай, сидя на месте с поднятой ногой, жалобно взвизгивал. Бацов проговорила что-то неопределенное и помчался во всю прыть к своему любимцу; мы тоже поскакали вслед за ним.

⁴² Однажды навсегда прошу извинения у моих читателей за те выражения, которых я обязан придерживаться при описании подобных сцен и в разговорах между охотниками. Язык охотничий испещрен множеством таких слов и оборотов, которые могут казаться правильными и понятными только для одних охотников. Как передать, например, не изменяя смысла и не умаляя силы, выражения «повис на шипце», «заложился по русаку», «заяц начал отрастать» и тысячи подобных терминов? В другом случае, избегая их и выражаясь языком книжным, я рискую подвергнуться нареканию у специалистов дела и заслужить справедливый от них упрек в непонимании предмета (*прим. Е. Дрянского*).

⁴³ ...воззрился... – то есть увидел зверя.

⁴⁴ Отрос – то есть оторвался от преследующих собак, выпал из их поля зрения.

⁴⁵ Отгокать – отгонять собак хлопаньем аrapника.

Когда мы остановились, Бацов сидел уже на рубеже и держал на руках Карая. Из передней лапы у него текла обильно кровь. По осмотре раны оказалось, что он сорвал передний ноготь. У пылких собак это бывает зачастую, особенно если неопытные и горячие охотники травят ими в позднюю осень по мерзлой пашне.

Впрочем, сорванный ноготь, кроме сильной боли на первых порах и двухнедельной хромоты, пока образуется молодой ноготок, худших последствий за собой не влечет.

Все мы обрадовались этому незначительному случаю тем больше, что, скача за Бацовым, граф и прочие охотники полагали увидеть собаку с переломанной ногой.

Подъехал Стерлядкин и волею-неволею начал поздравлять и приветствовать своего соперника; но он не успел промолвить и пяти слов, как за ложбиной послышалось отчаянное: «Ату эво!» и протравленный нами русак вынесся обратно из кустов по рубежу прямо к нам; его гнал Азарной и пять новых собак, а за собаками, на рьяном коне, не разбирая ни кустов, ни кочек, без шапки, поблескивая лысиной, с висками на отлете, выскочил в полном смысле слова из болота Петр Иванович! Заяц увидел нас и вильнул в сторону; Карай воззрился, рванулся, взвизгнул, помчался, и на том месте, где он встретил русака, последний, лежа на боку, только потрепыхивал лапками: Карай убил его грудью.

– О-го-го-го! – загудел Петр Иванович, соскакивая с лошади, в то время как Азарной и его собаки накрыли убитого русака.

– Атрыш! Атрыш! – закричало все наше общество. Графский стремянный очутился тут же.

– Отпазончи⁴⁶ русака и вторачивай⁴⁷ в свои торока, – сказал ему Трутнев.

– Как это? Что такое? Я травил... да это разбой, господа!.. Это... я... Отнять насильно – пожалуй... а в противном случае я не позволю... Я...

– Ну, что ты мелешь, не выдав дела? – перебил его Трутнев. – Ты выслушай наперед.

Все наперерыв принялись объяснять Петру Ивановичу обстоятельства дела; он слушал внимательно и с увлечением повторял:

– Он... с рубежа... опять... с Азарным! Фу, черт, знатно!.. Лихо! Лихо! А что, я говорил вам, господа, – прибавил он, обратясь к Бакенбардам и Трутневу, – что Карай будет дивная собака! Я это вижу по ладам. Ну, Лука Лукич, поздравляю!

Подъехали два человека Петра Ивановича и привезли отысканную в болоте шапку; стремянный отпазончил и второчил русака.

Все мы обратились к Бацову и дружно поздравляли его с полным успехом; Стерлядкин тоже усердно вторил нам; Бацов, глядя на нас молча, был как-то сановит, тих и серьезен; он еще не успокоился и был словно в угаре после таких сильных и дорогих охотнику впечатлений, испытанных в столь короткий срок. Карай сидел подле него и зализывал больную ногу. Ерему все оделили щедро.

– Господа, пора нам тронуться; времени остается немного, – сказал Атукаев, глядя на часы.

– Нет, о, нет! Ваше сиятельство, как можно? Надо замочить лапки; а то что ж это будет?.. Что мы за охотники после этого? А ночевать ко мне, господа, – прибавил Петр Иванович, – я уж так распорядился. Граф, ваше сиятельство, ночевать ко мне... – И Петр Иванович, принимая от своего стремянного флягу, пропел со всеми онерами⁴⁸ известную охотничью песню: «Выпьем, други, на крови...»

Но выпил только Петр Иванович, прочие отказались.

⁴⁶ Отпазончить – то есть отрезать задние лапки (прим. Е. Дриянского).

⁴⁷ Вторачивать – привязать к седлу (прим. Е. Дриянского).

⁴⁸ Со всеми онерами – то есть со всеми необходимыми принадлежностями, со всем тем, что полагается.

Верстах в пяти от места нашли мы охоту; когда мы очутились близко от экипажей, стоявших на лугу, в стороне от дороги, из одной брыки⁴⁹ выскочил Хлюстиков и пустился вприсядку; он был уже «в своем виде», то есть пьян.

– А, Петрунчик! Так-то держишь слово? – произнес грозно Атукаев. – Ты хотел спать, а теперь «в положении». Кто это его употчевал?

– Н-не изв-вестно-с, – отвечал повар, стараясь держаться как можно прямее.

– А, понимаю, – продолжал граф, глядя во все глаза на своего приспешника.

– Не изв-вольте сумлеваться... васьсьво... мы не токма что ни-чево-с... обидно, васьсьво!.. Во как горько, обидно!.. – Повар застучал кулаком по груди и прегорько заплакал.

– Прибрать их в фургон! – сказал граф людям.

Петрунчика и обиженного подхватили на руки и, как мешки с мякиной, попихали в собачью фуру.

Стерлядкин простился с нами и, взяв обещание со всех завтра у него обедать, пересел в дрожки и отправился домой.

Мы кинули гончих в соседний остров и до сумерек затравили русаков двадцать на котел, то есть для собак. В то время, когда я подъезжал к острову вместе с Бацовым, граф обусловил нас не соглашаться на предложение Петра Ивановича ехать к нему на ночлег.

– Мы ночуем в Глебкове, как дома, а тут эти господа налижуются непременно и не дадут спать до утра, или, что всего хуже, затравят нас клопами; я уж это испытал, – прибавил граф.

И точно, во время гоньбы Петр Иванович подъезжал к Атукаеву и к нам. Тот ссылался на нас, а мы отказались наотрез. Петр Иванович, успевший уже порядочно подбодрить себя, в самый разгар гоньбы ускакал с людьми и собаками домой. Быстрые осенние сумерки застали нас в ту пору, когда мы вызвали гончих из острова. Сдавши собак, мы с одним стремянным пустились на рысях до нашего ночлега. Дело в том, что нам никак нельзя было миновать усадьбу Петра Ивановича, которая была всего-то в двух верстах от Глебова. Мы условились пронестись мимо дома на марш-марше и тем избавиться от объяснений в случае, если бы даже сам Петр Иванович, стоя у ворот, вздумал приглашать нас вторично. Но, увы, плану нашему суждено было остаться там, откуда он возник, то есть в воображении: не доезжая усадьбы за полверсты, нам предстояло проехать плотину и пересекавший ее мост; все это состояло в единственном, бесспорном владении помянутого уже не раз Петра Ивановича. Тут-то представилось зрелище, которое я увидел в первый раз в жизни: на плотине стояла толпа мужиков с кирками, кольями и топорами, а подвинувшись ближе, мы увидели самого Петра Ивановича. Растянувшись персонально поперек дороги, он заградил нам путь; на мосту торчали одни перекладыны; накатник был снят и лежал в куче.

– Нет дальше ходу! – крикнул нам Петр Иванович и застучал каблуками по земле. – Или застрелюсь тут на месте, или вы ночуете у меня...

Мы молча переглянулись.

– Полноте, Петр Иванович! К чему вы это затеваете? Я ведь вам сказал уже, что я не один. Со мной вот господа, прислуга, охота, целый обоз; мы вам наделаем столько хлопот...

– Ломай дальше! – крикнул Петр Иванович мужикам. – Ночуйте у меня или в поле... Бр-р-р! У меня все готово... Армии давай сюда! Угостим армию!.. Бр-р-р!

– Чего же вы хотите?... Чтоб мы ночевали на мельнице?

– И я с вами!

– Мы вернемся назад...

– И я с вами!

– Мы, наконец, уедем домой.

– И я с вами... бр-р-р!

⁴⁹ Из брыки – т. е. брички, из повозки.

И на все это Петр Иванович, по его понятиям, решался единственно потому, что он благородный человек и товарищ истинный, а не жомини, не щелкопер⁵⁰! Что он готов для нас перехватить себе горло ножом.

– А вы вот этого не сделаете! – прибавил он наивно.

Пока мы торговались с этим навязчивым кунаком⁵¹, подвалил обоз и стоя к плотине. Увидев Трутнева, Петр Иванович вскочил как встрепанный.

– Володя! Друг! Помоги... Режут, жгут... обида! Понимаешь – обида!..

– Горько, обидно! Васьсьво! – вторил ему плачевный голос из фургона.

– Что ж, ваше сиятельство, удостоите; мы, этак, тово, вечером вместе... – прибавил Трутнев.

С последним словом Трутнева Петр Иванович очутился на коленях перед лошадыю Атукаева.

Между тем стемнело совсем, нахмурилось, брызнул редкий дождик.

Что оставалось после этого? Подумали и согласились!

Обрадованный кунак наш кинулся как шальной к мосту, прикрикнул на мужиков и принялся сам настилать накатник. Переправя стаю и обоз вперед, мы наконец всем обществом тронулись в путь и начали подниматься на пологую гору; налево от нас потянулась каменная стена, направо начали попадать в глаза неопределенного вида строения. Миновавши их, мы повернули в высокие каменные ворота; направо стоял громадный с заколоченными наглухо ставнями старинный дом; за ним в углу светились два окна флигеля, где помещался Петр Иванович с семьей. Услыша топот, к нам вышел подслепый лакей со свечкой и, мигая веками, старался осветить две ступеньки крылечка под соломенной крышкой.

При входе в первую комнату из скверной, вонючей и сорной передней мы тотчас были пожалованы в звание друзей Петра Ивановича и, расцеловавшись с ним, как подобало, вступили в следующую комнату, игравшую роль гостиной, потому что в ней обретался ситцевый диван, несколько кресел и стояло в углу старинное, необыкновенной формы фортепьяно, с овалом на спине и круглыми боками, походившее на супоросую свинью⁵².

– Вот тут, господа, пожалуйста!.. Граф, прошу садиться, а я вот вам тотчас жену, тово... чаю... Эй! Каролина, выходи! Чаю господам... Ком гир⁵³! – крикнул он, громко стуча кулаком в дверь. – Да вы не хотите ли, тово... перед чаем пройтись по водке, лучше?.. А, вот она! Рекомендую, граф!.. Да вы уже знакомы... Вот, господа, рекомендую, моя жена, только вы с нею не очень-то... просто, этак, тово, она глуха – черт, не знаю, чем лечить... русские лекарства не действуют... Вы, пожалуйста, не церемоньтесь с ней... Каролина, чаю господам!.. Тей! Тей!⁵⁴ – крикнул Петр Иванович, выделявая рукой, как наливают чай, и убежал.

Пока это говорилось и показывалось, между нами, медленно отворяя дверь, еще медленнее появилась молодая дама с завязанной щекой, в опрятном сереньком капоте из полутерно⁵⁵; в то время как муж выкрикивал у нее над ухом: «Тей!» – она успела выделать два книксена и по исчезновении Петра Ивановича молча села в ближайшие кресла: в черных прекрасных глазах ее светилась какая-то робость, сиротливость; на бледном кротком, чисто немецкого типа лице

⁵⁰ ...не жомини, не щелкопер... – то есть не пустой, легкомысленный человек. Имя французского историка наполеоновских войн Антуана Анри Жомини (1779–1869) со времен «Песни старого гусара» Д. В. Давыдова (1817) нередко употребляется в значении: говорить обо всем, но ничего о самом главном. Щелкопер (по Далю) – писец, писарь в суде, приказный, чиновник по письменоводству, пустой похвальбишка и обирала.

⁵¹ Кунак – друг, приятель, побратим.

⁵² Супоросая свинья – беременная.

⁵³ Ком гир! – Иди сюда! (от нем. komm her).

⁵⁴ Тей – чай (искаж. нем. tee).

⁵⁵ Полутерно – ткань из козьего пуха и шерсти.

была заметна грусть, а глядя на тощую грудь и руки этой женщины, нельзя было сомневаться, что у нее до крайности потрясены и расслаблены нервы.

Кое-как откланявшись, мы тоже начали усаживаться где попало; граф поместился ближе и как знакомый первый вступил в разговор.

– Как ваше здоровье? – спросил он довольно громко.

– Ваше зиятельство на акот⁵⁶? – отвечала Каролина Федоровна.

В таком роде длился у нее разговор с Атукаевым около четверти часа; наконец я подошел как можно ближе и сказал довольно громко по-немецки:

– Вы, верно, скучаете, живя постоянно в деревне?

– Мои родные в Карлсруэ, – отвечала она и грустно улыбнулась.

– Вы любите чтение? – спросил я еще громче.

– У моего мужа умерли все собаки, – было ответом.

Я снова сел на место.

Вошел Трутнев и, не обращая внимания на Каролину Федоровну, пустился в рассказы.

– Что, вам, я полагаю, скучно, ваше сиятельство? Тут тово...

– Нет. Только жаль, что вот наша дама затрудняется в ответах. Прежде она слышала хорошо.

– Представьте, это Петр Иванович ее оглушил... Когда он бывает под гульком, так, знаете, этак, ему вздумается тово, по праву супружества... Один раз как-то в сердцах по голове... тово... ну, и оглохла. Из синяков не выходит, – прибавил он, улыбаясь.

Каролина Федоровна следила за выражением лица Трутнева и, полагая, что он рассказывает нам очень смешную историю, весело улыбалась.

Я вскочил, сам не зная, по какой причине, с места и вышел в другую комнату.

Петр Иванович, преобразившись из яргака в архалух, бегал по комнатам, выскакивал на крыльцо, кричал, бранился и торопил прислугу, отдавая каждому по пяти самых разноречивых приказаний. Между прочим я слышал часто произносимые им имена: Ганьки и Мотрюшки.

– Ну, что, сказал? – спросил он, поймав за ворот бежавшего через зал рыжего, с веснушками, в сером казакине мальчика.

– Сказал.

– И Ганьке сказал?

– Сказал.

– И Мотрюшке?

– Сказал.

– Да ты, дурак, ты бы Ганьке сказал, чтоб она тово... а Мотрюшке, чтоб она это... понимаешь? Сарафан, дурак, беги, скажи, опять, мол, в сарафанах, и ткача сюда... А ты куда? – накинулся он на подслепого лакея.

– Я-с! Вы приказали...

– Дурак! Я сказал, чтоб стол, тово, карты и все такое в кабинет.

– Да я бегу по вашему приказу, чтоб клюшника послать, овса добыть, овса нетути...

– Дурак, тебе говорят – карты! Понимаешь? В кабинет, ты стол там, чтоб и все этакое...

И Петр Иванович влетел в гостиную.

– Что ж, чаю о сю пору? Чаю! Что ты тут расселась? Гриб немецкий! Тей! Тей! – крикнул он, дергая жену за плечо.

Бледная, растерянная, она робко взглянула ему в лицо и по направлению руки Петра Ивановича вышла в дверь.

– Друзья мои! Граф! Ваше сиятельство! Не поскучайте, пожалуйста, извините, я сейчас... Только вот насчет певчих...

⁵⁶ На акот – искаж. «на охоту».

И Петр Иванович снова исчез.

Несмотря на это громкое: «Тей!» – чая нам вовсе не дали, и Петр Иванович больше не вспоминал об этом; Каролина Федоровна тоже словно в воду канула и больше к нам не появлялась.

Оставшись втроем, мы принялись рассуждать о скачке Карая; так прошло около получаса; в это время я увидел, как Петр Иванович, подкравшись на цыпочках к нашей двери, тихо притворил обе половинки; вслед за тем мы услышали топот и установку в зале, кое-кто покашливал и пересмеивался; наконец дверь распахнулась снова, и Петр Иванович появился к нам с довольным лицом.

– Не угодно ли, господа? – сказал он как-то торжественно и, обратясь к двери, хлопнул в ладоши.

С этим сигналом в соседней комнате разразился неистовый крик. Я не помню, как я очутился там: толпа деревенских баб, под управлением ткача, горланила какую-то вступительную песню, звуки которой как-то лопались в ушах. Наконец, при появлении графа и Бацова из гостиной, а Трутнева с Бакенбардами из кабинета, две бабы, разряженные в китайчатые с мишурной оторочкой сарафаны, и сам ткач с его необыкновенным инструментом отделились от сонмища и начали какую-то мордовскую пляску под припев хора:

Ахвицер, ахвицер, ахвицерик молодой,
Ахвицерик молодой,
Под ним коник вороной:
Конь копытом землю бьет, а девица слезы льет!

Ганька и Мотрюха отжигали непостижимые коленца, а ткач трещал под песню хора на своем неслыханном инструменте. Инструмент этот был не что иное, как тупейный гребешок⁵⁷ с приделанной к нему как-то бумажкой.

«Ну, Каролина Федоровна знала, для чего оглохла», – думал я, слушая этот гвалт.

Не так он действовал на Петра Ивановича: упоение его было, как видно, безгранично; он и шевелил плечами, и выступал козырем, и засучивал рукава, и притоптывал, и прищелкивал, и, наконец, что всего хуже, кажется, окончательно забыл о нас грешных. Трутнев тоже начал понемногу увлекаться этим зыком; г. Бакенбарды держал себя гордо и степенно, хотя и можно было поручиться, что, не будь тут этот monsieur le comte⁵⁸, он непременно закружился бы в общем водовороте.

Мы вернулись в гостиную и начали со смехом и досадой пополам высказывать каждый свое мнение о незаконном нашем аресте. Бацов в особенности выражался насчет этого очень едко и убедительно, но все его красноречие заканчивалось общим и дружным между нами смехом, и едва мы сумели бы придумать что-нибудь для своего избавления, если б не следующий случай.

Неизвестно откуда появился перед нами камердинер Атукаева с весьма недовольным видом и произнес на первый раз очень простую, но до крайности вразумительную фразу:

– Ваше сиятельство! Как вам будет угодно, а ночевать тут не приходится.

– А что?

– Помилосердуйте... Лошади у нас не отпряжены и стоят без корма. Собаки о сю пору на дворе, под дождем: приюту никакого... В конюшне, в сараях – везде течь. Все стоит непокрытое: повар, вишь, крыши изводит на плиту. Людям есть нечего и разместиться негде; у экипажей я поставил караул: того и гляди, очистят!..

⁵⁷ Тупейный гребешок – редкий гребешок (от «тупея» – прически в виде взбитого хохла на голове).

⁵⁸ Господин граф (фр.)

– Вот те раз! Хотел угощать армию! – проговорил граф в раздумье. – Неужели нет корму ни людям, ни лошадям?

– Точно так-с! У них и свои лошади третьи сутки овса не нюхали, а тут где же взять на такое количество? Сами извольте знать: у нас не десять лошадей! Да вот для вас тоже кушать о сю пору не готовят. Дворовые бегали на село кур и яйца собирать, мужики их приняли в колья; там драка, безобразие, пьянство, крик. А дворня-то – все вор на воре, у своих тащат из-под замка... помилуй бог, беды не оберешься!..

Прислушав это донесение, мы переглянулись враз и громко от души захохотали.

Отнеся этот смех насчет сочувствия нашего общему веселью, Петр Иванович влетел в гостиную козырем, выделал коленце и заключил меня первого в объятия, но Мотрюха вырвала остальных от этой мялки. Появившись с припляской перед Петром Ивановичем и маня его к себе руками, она припевала в такт: «О-ох, кости болят. Все суставы говорят», – и так далее. «Гений, а не женщина!» – крикнул тот и умчался за своей дамой, припевая: «Ходи раз, ходи два!» – и так далее.

– И прекрасно! – начал Атукаев, обдумав тем временем свой план. – Вели людям собраться как можно тише и тронуться враз со двора; лошадей наших держать наготове, а Петрунчика дать сюда; пусть его веселится сколько душе угодно; мы его, господа, употребим вместо громоотвода и отдадим на жертву, а сами улизем отсюда... Ступай же и обделай все как можно аккуратнее!

– Слушаю!

И обрадованный Артамон Никитич, заговаривая и заигрывая с бабами, ловко добрался до передней.

Его место в гостиной заменил г. Бакенбарды.

– А мусье ле конт! – начал он. – Же ву ле фелисит авек дю бьен э-тре гран плезир!⁵⁹

Злодей! Так и видно было по лицу, как долго он мучился над постройкой этой необыкновенной фразы.

– Что ж, нам тут очень весело, – сказал граф по-русски, глядя на меня так убийственно, что я чуть не лопнул подобно ракете от усилия не разразиться смехом.

– Но мне, признаться, это всегдашнее тужур пердри⁶⁰ надоело, – проговорил Бакенбарды и, à la Чайльд-Гарольд, поместился возле меня в креслах.

– К тому же вам для занятия досталась такая дама, которая ничего не слышит, хоть стреляй! – начал он, относясь ко мне.

– Да, жаль... – промолвил я, кусая свою губу. – Давно она потеряла слух?

– Вот, с великого поста... Это муженек ее оглушил. Вздумал стучать об эту печку, и если б я не случился тут... да что и говорить, когда-нибудь он-таки ее доконает... месяца три голова у нее была настоящая подушка... Да вот и старшая дочь... – вы не видали ее? – сделалась уродом, должно быть, по его милости: теперь у нее растет горбок...

И, заметя наше расположение слушать, г. Бакенбарды пошел дальше. Из его длинного повествования, за исключением французских фраз, мы уразумели следующее.

Оставшись после родителей по десятому году, Петр Иванович, вместе с меньшей сестрой своей, попал на воспитание к бабушке, женщине известной в околоте по богатству и гордому характеру. В семнадцать лет Петр Иванович возымел решительное намерение прицепить к боку саблю. Через десять лет службы в гусарском полку он явился на родину, с отставкой в кармане и с полным запасом антигусарского удалства. Поселясь в отцовском большом и прекрасно устроенном имении, которого, прибавим в скобках, теперь не осталось и половины,

⁵⁹ А мусье ле конт... Же ву ле фелисит авек дю бьен э-тре гран плезир... – Господин граф... С большим удовольствием поздравляю вас с этим обстоятельством (искаж. фр. Je vous le félicite avec du bien et très grand plaisir).

⁶⁰ Тужур пердри – всегда одно и то же (искаж. фр. toujours perdrix).

Петр Иванович часто навещал бабушку и не замедлил там влюбиться в компаньонку своей сестры, то есть в Каролину Федоровну. Осведомясь об этом, бабушка вскипятилась и чуть не отодрала розгами поручика Петрушу, но Петруша был гусар и страстный поклонник сатисфакций: зная наверное, что бабушка его никак не согласится стать на барьер, или так называемую благородную дистанцию, он придумал задать ей сатисфакцию другого рода: забрался к ней в сад и, лежа под кустом, выждал время, когда хорошенькая немочка, по обычаю, вышла помечтать. Увидевши предмет своей любви и сатисфакции, Петр Иванович накинулся на нее, как бедуин, заткнул ей глотку носовым платком, схватил ее под мышку и умчал à la Малек-Адель⁶¹ в свои владения. Очутившись в той самой гостиной, в которой теперь шла у нас речь, Каролина Федоровна увидела перед собой Петра Ивановича, во-первых, на коленях и с гусарской клятвой на устах, во-вторых, Петр Иванович взял предмет своей сатисфакции с бабушкой под ручку и ввел его в соседнюю комнату; там сказал он ей: «Ву зет мейне либе фрау»⁶² – и кончил сатисфакцию с бабушкой.

Через два дня после этого соблазнительного происшествия приехал предводитель с дворянами и, отобрав от бедной немки и дворовых людей показания, посоветовал Петру Ивановичу прекратить это дело и побереечь себя, а то, дескать, тут явится и бабушка, и уголовная палата, и прочее, и прочее.

Вообразив, что все это делается по проискам бабушки, и желая «насолить» ей окончательно, Петр Иванович послал за приходским священником и в присутствии трех благородных свидетелей прекратил уголовное дело в самом его зародыше, а что всего лучше – «утер нос и палате и бабушке!»

Через год после этого, когда у Петра Ивановича родилась старшая его дочь, заботливый папаша, вообразив почему-то, что трусливее немцев нет людей на свете, вздумал выветривать заранее из девочки немецкий дух: схватя ребенка с рук матери, он отнес его и положил в ясли к самому злому жеребцу и начал его подхлестывать. Лошадь трясла головой, щулила уши и вздымалась на дыбы, а Каролина Федоровна, растянувшись на полу, обнимала колени Петра Ивановича и кричала неистово. Вот уже пошел девятый год, как Петр Иванович варьирует этот способ на разные лады для того, чтобы выветрить из жены и двух дочерей своих немецкий дух.

– А впрочем, – заключил г. Бакенбарды, – надо сказать, что, за исключением этих маленьких шалостей, он поистине благороднейший человек и удивительный товарищ! Сетюньом де комильфо⁶³! Мы с ним вместе служили... В полку у нас было общество необыкновенное, не то, что в пехоте; все мы говорили не иначе как по-французски; боже сохрани, по-русски! Или высморкать нос перед фрунтом: тотчас вызовут на дуэль!

С появлением Хлюстикова Петр Иванович пришел в совершенную ражу, кинулся целовать Атукаева и доказывать, что он способен быть благороднейшим человеком и удивительным товарищем, и вслед за тем, как бы в награду нам, выслал баб и велел накрыть стол. Трудно передать, какая суeta и давка пошла в зале, где, чтоб сберечь время для танцев, Петр Иванович шнырил безвыходно, торопил прислугу и наделял всех затрещинами. Между тем граф подозвал Петрунчика и приказал ему пить больше за ужином и развлекать внимание Петра Ивановича.

В одиннадцать часов мы сели за стол. Что это была за сервировка! У меня в приборе не доставало ножа; г. Бакенбарды поместился за пустой тарелкой; Бацов стащил у Трутнева с прибора салфетку. Наконец появилось огромное, но единственное блюдо нарезанной кусками курятины, облитой каким-то желтоватым раствором. Курятина оказалась совершенно сырою. По счастью, под столом очутилась борзая собака и пожирала кусок за куском. Петрунчик вел

⁶¹ Малек-Адель – персонаж романа французской писательницы Мари Софи Ристо Коттен (1770–1807) «Матильда» (1805).

⁶² ...Ву зет мейне либе фрау – вы есть моя дорогая госпожа (искаж. фр. vous êtes и нем. meine liebe frau).

⁶³ Сетюньом де комильфо – «это человек порядочный» (искаж. фр. C'est un homme de comme il faut).

себя удивительно: перепивая и забавляя хозяина, он завладел им до того, что Петр Иванович обратил на нас внимание только в то время, когда, убедившись, что брошенные нами под стол куски уничтожены, мы разом поднялись с мест.

В гостиной между тем появились три постели, приготовленные для нас во время ужина, а в зал, по снятии стола, собралось баб вдвое больше прежнего, и мы убедились, что протесниться к выходу нам не было возможности. В довершение удара Бацов, осматривая постель, вздумал поднести свечу поближе к дивану; он ахнул и подозвал нас. Было от чего ахнуть: по всей обивке дивана и на проточенных обоях сидели в три шеренги клопы.

– Нет, это из рук вон! – крикнул энергически Лука Лукич и выбежал вон.

Мы боялись, что он по горячности испортит дело наше вконец. И точно, было близко к тому, когда Бацов вернулся к нам, таща Бакенбарды за руку.

– Посмотрите, что это? – заговорил он, проводя свечкой вдоль дивана. – Это свинство, это подлость, наконец! Затащить гостей насильно, не дать чашки чаю, кормить черт знает чем, и после травить!.. Это на смех, что ли, он делает? – прибавил Лука Лукич, ставя свечку и сверкая глазами.

– Полно, Лука Лукич! – приступили мы к Бацову.

– Нет, этот мерзавец стоит пятисот нагаек! – крикнул Бацов, свирепея.

– Что ж тут, господа, – лепетал Бакенбарды, – дом не мой, я был бы рад... если б... да не знаю, как помочь...

– Оставь, Лука Лукич! – перебил Атукаев и обратился к Бакенбардам: – Послушайте, – сказал он, – вы видите ясно, что в этой берлоге остаться мы не можем. Помогите нам, пожалуйста, выбраться отсюда так, чтоб он не заметил этого...

– Очень рад, очень рад! Лошади у вас готовы? Где они? Я прикажу подавать.

– Как же вы это сделаете?

– Очень просто: их подведут к балкону, я притворю двери в зал, вы выйдете в эту дверь и...

– Представьте! – крикнули мы все трое, глядя вопросительно друг на друга. Перед нами была дверь на балкон, и мы только теперь ее заметили.

Пока г. Бакенбарды хлопотал о лошадях, мы успели подать знак Хлюстикову; тот вместо танцев придумал водить хоровод, окружил Петра Ивановича бабами и запел:

Дунай, мой, Дунай, веселый Дунай!

Явился Бакенбарды и, получив от нас при рукопожатии тройной титул: избавителя, благодетеля и еще чего-то, раскланялся с достоинством, повторил раз пять: «Бон нюи»⁶⁴ – и захлопнул дверь в залу.

Съехавши потихоньку со двора, мы живо домчались до места и очутились в чистой и просторной крестьянской избе. Нужно ли повторять, какими глазами смотрел я, изнуренный двухдневной бессонницей, на три приготовленные для нас по углам постели? Но это увлечение было мелко в сравнении с тем громким возгласом, каким приветствовали мы Артамона Никитича, представшего нам с клокочущим самоваром в руках: «Тей! Тей!» – крикнули мы, словно по команде, и смеялись как дети, припоминая вразбивку впечатления проведенного нами вечера.

За вторым стаканом чая я как-то прилег носом к подушке и... «Тей! Тей!» – крикнули два громкие голоса у меня над ухом. Я открыл глаза, но это было в десять часов утра. Граф и Бацов хохотали, стоя у моей постели; на столе по-прежнему кипел самовар, а у порога стоял мой Игнатка.

⁶⁴ Бон нюи – спокойной ночи (с фр. *bonne nuit*).

Лев Толстой **Война и мир** **(отрывок)**

Уже были зазимки⁶⁵, утренние морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зелень уклочилась и ярко-зелено отделялась от полос буреющего, выбитого скотом, озимого и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами гречихи. Вершины и леса, в конце августа еще бывшие зелеными островами между черными полями озимей и жнивами, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленых озимей. Русак уже до половины затерся (перелинял), лисьи выводки начинали разбредаться, и молодые волки были больше собаки. Было лучшее охотничье время. Собаки горячего, молодого охотника Ростова уже не только вошли в охотничье тело, но и подбились так, что в общем совете охотников решено было три дня дать отдохнуть собакам и 16 сентября идти в отъезд, начиная с Дубравы, где был нетронутый волчий выводок.

В таком положении были дела 14-го сентября.

Весь этот день охота была дома; было морозно и колко, но с вечера стало замолаживать⁶⁶ и оттепело. 15-го сентября, когда молодой Ростов утром в халате выглянул в окно, он увидел такое утро, лучше которого ничего не могло быть для охоты: как будто небо таяло и без ветра спускалось на землю. Единственное движение, которое было в воздухе, было тихое движение сверху вниз спускающихся микроскопических капель мги или тумана. На оголившихся ветвях сада висели прозрачные капли и падали на только что свалившиеся листья. Земля на огороде, как мак, глянцевито-мокро чернела и в недалеком расстоянии сливалась с тусклым и влажным покровом тумана. Николай вышел на мокрое с натасканною грязью крыльцо: пахло вянущим лесом и собаками. Черно-пегая, широкозадая сука Милка с большими черными навывкате глазами, увидав хозяина, встала, потянулась назад и легла по-русачьи, потом неожиданно вскочила и лизнула его прямо в нос и усы. Другая борзая собака, увидав хозяина с цветной дорожки, выгибая спину, стремительно бросилась к крыльцу и, подняв правило (хвост), стала тереться о ноги Николая.

– О гой! – послышался в это время тот неподражаемый охотничий подклик, который соединяет в себе и самый глубокий бас и самый тонкий тенор; и из-за угла вышел доезжащий и ловчий Данило, по-украински в скобку обстриженный, седой, морщинистый охотник, с гнутым арапником в руке и с тем выражением самостоятельности и презрения ко всему в мире, которое бывает только у охотников. Он снял свою черкесскую шапку перед барином и презрительно посмотрел на него. Презрение это не было оскорбительно для барина: Николай знал, что этот все презирающий и превыше всего стоящий Данило все-таки был его человек и охотник.

– Данила! – сказал Николай, робко чувствуя, что при виде этой охотничьей погоды, этих собак и охотника его уже обхватило то непреодолимое охотничье чувство, в котором человек забывает все прежние намерения, как человек влюбленный в присутствии своей любовницы.

– Что прикажете, ваше сиятельство? – спросил протодиаковский, охрипый от порсканья⁶⁷ бас, и два черные блестящие глаза взглянули исподлобья на замолчавшего барина. «Что, или не выдержишь?» – как будто сказали эти два глаза.

– Хорош денек, а? И гоньба и скачка, а? – сказал Николай, чеша за ушами Милку.

Данило не отвечал и помигал глазами.

⁶⁵ Зазимки – первые морозы или заморозки до начала устоявшейся зимы.

⁶⁶ Замолаживать – когда сухая, ясная, морозная погода сменяется влажной, пасмурной, туманной, клонящейся к дождю.

⁶⁷ Порсканье – крик, гомон, гвалт, шум при травле зверя.

– Уварку посылал послушать на заре, – сказал его бас после минутного молчания, – ска-
зывал, в отрадненский заказ *перевела*, там были. (Перевела значило то, что волчица, про кото-
рую они оба знали, перешла с детьми в отрадненский лес, который был за две версты от дома
и который был небольшое отъемное место.)

– А ведь ехать надо? – сказал Николай. – Приди-ка ко мне с Уваркой.

– Как прикажете!

– Так погоди же кормить.

– Слушаю.

Через пять минут Данило с Уваркой стояли в большом кабинете Николая. Несмотря на
то, что Данило был невелик ростом, видеть его в комнате производило впечатление подобное
тому, как когда видишь лошадь или медведя на полу между мебелью и условиями людской
жизни. Данило сам это чувствовал и, как обыкновенно, стоял у самой двери, стараясь говорить
тише, не двигаться, чтобы не поломать как-нибудь господских покоев, и стараясь поскорее все
высказать и выйти на простор из-под потолка под небо.

Окончив расспросы и выпытав сознание Данилы, что собаки ничего (Даниле и самому
хотелось ехать), Николай велел седлать. Но только что Данило хотел выйти, как в комнату
вошла быстрыми шагами Наташа, еще не причесанная и не одетая, в большом нянином платке.
Петя вбежал вместе с ней.

– Ты едешь? – сказала Наташа. – Я так и знала! Соня говорила, что не поедете. Я знала,
что нынче такой день, что нельзя не ехать.

– Едем, – неохотно отвечал Николай, которому нынче, так как он намеревался предпри-
нять серьезную охоту за волками, не хотелось брать Наташу и Петю. – Едем, да только за вол-
ками: тебе скучно будет.

– Ты знаешь, что это самое большое мое удовольствие, – сказала Наташа. – Это дурно –
сам едет, велел седлать, а нам ничего не сказал.

– Тщетны россам все препоны, едем! – прокричал Петя.

– Да ведь тебе и нельзя: маменька сказала, что тебе нельзя, – сказал Николай, обращаясь
к Наташе.

– Нет, я поеду, непременно поеду, – сказала решительно Наташа. – Данила, вели нам
седлать, и Михайла чтобы выезжал с моею сворой, – обратилась она к ловчему.

И так-то быть в комнате Даниле казалось неприлично и тяжело, но иметь какое-нибудь
дело с барышней – для него казалось невозможным. Он опустил глаза и поспешил выйти, как
будто до него это не касалось, стараясь как-нибудь нечаянно не повредить барышне.

* * *

Старый граф, всегда державший огромную охоту, теперь же передавший всю охоту в
ведение сына, в этот день 15-го сентября, развеселившись, собрался сам тоже выехать.

Через час вся охота была у крыльца. Николай с строгим и серьезным видом, показывав-
шим, что некогда теперь заниматься пустяками, прошел мимо Наташи и Пети, которые что-
то рассказывали ему. Он осмотрел все части охоты, послал вперед стаю и охотников в заезд,
сел на своего рыжего донца и, подсвистывая собак своей своры, тронулся через гумно в поле,
ведущее к отрадненскому заказу. Лошадь старого графа, игреневого⁶⁸ меринка, называемого
Вифлянкой, вел графский стремянной; сам же он должен был прямо на оставленный ему лаз
выехать в дрожечках.

⁶⁸ Игреньевый – рыжей масти с белесым хвостом и гривой.

Всех гончих выведено было пятьдесят четыре собаки, под которыми доезжачими и выжлятниками⁶⁹ выехало шесть человек. Борзятников⁷⁰, кроме господ, было восемь человек, за которыми рыскало более сорока борзых, так что с господскими сворами выехало в поле около ста тридцати собак и двадцати конных охотников.

Каждая собака знала хозяина и кличку. Каждый охотник знал свое дело, место и назначение. Как только вышли за ограду, все без шума и разговоров, равномерно и спокойно растянулись по дороге и полю, ведущими к отраденскому лесу.

Как по пушному ковру, шли по полю лошади, изредка шлепая по лужам, когда переходили через дороги. Туманное небо продолжало незаметно и равномерно спускаться на землю; в воздухе было тихо, тепло, беззвучно. Изредка слышались то подсвистывание охотника, то храп лошади, то удар арапником или взвизг собаки, не шедшей на своем месте.

Когда отъехали с версту, навстречу ростовской охоте из тумана показалось еще пять всадников с собаками. Впереди ехал свежий, красивый старик с большими седыми усами.

– Здравствуйте, дядюшка! – сказал Николай, когда старик подъехал к нему.

– Чистое дело марш!.. Так и знал, – заговорил дядюшка (это был дальний родственник, небогатый сосед Ростовых), – так и знал, что не выдержишь, и хорошо, что едешь. Чистое дело марш! (Это была любимая поговорка дядюшки.) – Бери заказ сейчас, а то мой Гирчик донес, что Илагины с охотой в Корниках стоят, они у тебя – чистое дело марш! – под носом выводок возьмут.

– Туда и иду. Что же, свалить стаи? – спросил Николай, – свалить...

Гончих соединили в одну стаю, и дядюшка с Николаем поехали рядом. Наташа, закутанная платками, из-под которых виднелось оживленное с блестящими глазами лицо, подскочила к ним, сопровождаемая не отстававшими от нее Петей и Михайлой-охотником и берейтором, который был приставлен нянькой при ней. Петя чему-то смеялся и бил и дергал свою лошадь. Наташа ловко и уверенно сидела на своем вороном Арабчике и верною рукой, без усилия, осадил его.

Дядюшка неодобрительно оглянулся на Петю и Наташу. Он не любил соединять баловство с серьезным делом охоты.

– Здравствуйте, дядюшка, и мы едем, – прокричал Петя.

– Здравствуйте-то, здравствуйте, да собак не передавите, – строго сказал дядюшка.

– Николинька, какая прелестная собака, Трунила! он узнал меня, – сказала Наташа про свою любимую гончую собаку.

«Трунила, во-первых, не собака, а выжлец⁷¹», – подумал Николай и строго взглянул на сестру, стараясь ей дать почувствовать то расстояние, которое их должно было разделять в эту минуту. Наташа поняла это.

– Вы, дядюшка, не думайте, чтобы мы помешали кому-нибудь, – сказала Наташа. – Мы станем на своем месте и не пошевелимся.

– И хорошее дело, графинечка, – сказал дядюшка. – Только с лошади-то не упадите, – прибавил он, – а то – чистое дело марш! – не на чем держаться-то.

Остров Отраденского заказа виднелся саженьях во ста, и доезжачие подходили к нему. Ростов, решив окончательно с дядюшкой, откуда бросать гончих, и, указав Наташе место, где ей стоять и где никак ничего не могло побегать, направился в заезд над оврагом.

– Ну, племянничек, на матерого становишься, – сказал дядюшка, – чур, не гладить.

⁶⁹ Выжлятник – в псовой охоте старший псарь, который водит стаю, напускает и собирает ее.

⁷⁰ Борзятник – ловчий при борзых; охотник, стоящий с борзыми в поле у опушки.

⁷¹ Выжлец – гончая собака.

– Как придется, – отвечал Ростов. – Карай, фюит! – крикнул он, отвечая этим призывом на слова дядюшки. Карай был старый и уродливый бурдастый кобель, известный тем, что он в одиночку брал матерого волка. Все стали по местам.

Старый граф, зная охотничью горячность сына, поторопился не опоздать, и еще не успели доезжачие подъехать к месту, как Илья Андреич, веселый, румяный, с трясущимися щеками, на своих вороненьких подкатил по зеленым к оставленному ему лазу и, расправив шубку и надев охотничьи снаряды, влез на свою гладкую, сытую, смиренную и добрую, поседевшую, как и он сам, Вифлянку. Лошадей с дрожками отослали. Граф Илья Андреич, хотя и не охотник по душе, но знавший твердо охотничьи законы, въехал в опушку кустов, от которых он стоял, разобрал поводья, оправился на седле и, чувствуя себя готовым, оглянулся, улыбаясь.

Подле него стоял его камердинер, старинный, но отяжелевший ездок, Семен Чекмарь. Чекмарь держал на своре⁷² трех лихих, но так же заживевших, как хозяин и лошадь, волкодавов. Две собаки, умные, старые, улеглись без свор. Шагов на сто подальше в опушке стоял другой стремянный графа, Митька, отчаянный ездок и страстный охотник. Граф, по старинной привычке, выпил перед охотой серебряную чарку охотничьей запеканочки⁷³, закусил и запил полубутылкой своего любимого бордо.

Илья Андреич был немножко красен от вина и езды; глаза его, подернутые влагой, особенно блестели, и он, укутанный в шубку, сидя на седле, имел вид ребенка, которого собрали гулять.

Худой, со втянутыми щеками Чекмарь, устроившись с своими делами, поглядывал на барина, с которым он жил тридцать лет душа в душу, и, понимая его приятное расположение духа, ждал приятного разговора. Еще третье лицо подъехало осторожно (видно, уже оно было учено) из-за леса и остановилось позади графа. Лицо это был старик в седой бороде, в женском капоте и высоком колпаке. Это был шут Настасья Ивановна.

– Ну, Настасья Ивановна, – подмигивая ему, шепотом сказал граф, – ты только оттопай зверя⁷⁴, тебе Данило задаст.

– Я сам... с усам, – сказал Настасья Ивановна.

– Шшшш! – зашикал граф и обратился к Семену.

– Наталью Ильиничну видел? – спросил он у Семена. – Где она?

– Они с Петром Ильичом от Жаровых бурьянов стали, – отвечал Семен, улыбаясь. – Тоже дамы, а охоту большую имеют.

– А ты удивляешься, Семен, как она ездит... а? – сказал граф. – Хоть бы мужчине впору!

– Как не дивиться? Смело, ловко!

– А Николаша где? Над Лядовским верхом, что ли? – все шепотом спрашивал граф.

– Так точно-с. Уж они знают, где стать. Так тонко ездут знают, что мы с Данилой другой раз диву даемся, – говорил Семен, зная, чем угодить барину.

– Хорошо ездит, а? А на коне-то каков, а?

– Картину писать! Как намердись из Заварзинских бурьянов помкнули⁷⁵ лису. Они пере-скакивать стали, от уймища⁷⁶, страсть – лошадь тысяча рублей, а седоку цены нет. Да, уж такого молодца поискать!

– Поискать... – повторил граф, видимо сожалея, что кончилась так скоро речь Семена. – Поискать, – сказал он, отворачивая полы шубки и доставая табакерку.

⁷² Свора – бечевка, на которой водят борзых.

⁷³ Запеканка – алкогольная настойка.

⁷⁴ Оттопать зверя – отогнать, отпугнуть его от опушки, воротить в поле.

⁷⁵ Помкнуть – затравить.

⁷⁶ Уймище – густой лес.

– Намедни как от обедни во всей регалии вышли, так Михаил-то Сидорыч... – Семен не договорил, услышав ясно раздававшийся в тихом воздухе гон с подвыванием не более двух или трех гончих. Он, наклонив голову, прислушался и молча погрозился барину. – На выводок наехали... – прошептал он, – прямо на Лядовской повели.

Граф, забыв стереть улыбку с лица, смотрел перед собой вдаль по перемышке и, не нюхая, держал в руке табакерку. Вслед за лаем собак послышался голос по волку, поданный в басистый рог Данилы; стая присоединилась к первым трем собакам, и слышно было, как заревели с заливом голоса гончих, с тем особенным подвыванием, которое служит признаком гона по волку. Доезжачие уже не порскали, а улюлюкали, и из-за всех голосов выступал голос Данилы, то басистый, то пронзительно-тонкий. Голос Данилы, казалось, наполнял весь лес, выходил из-за леса и звучал далеко в поле.

Прислушавшись несколько секунд молча, граф и его стремянный убедились, что гончие разбились на две стаи: одна, большая, ревавшая особенно горячо, стала удаляться, другая часть стаи понеслась вдоль по лесу, мимо графа, и при этой стае было слышно улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, но оба удалялись. Семен вздохнул и нагнулся, чтоб оправить сворку, в которой запутался молодой кобель. Граф тоже вздохнул и, заметив в своей руке табакерку, открыл ее и достал щепоть.

– Назад! – крикнул Семен на кобеля, который выступил за опушку. Граф вздрогнул и уронил табакерку. Настасья Ивановна слез и стал поднимать ее.

Граф и Семен смотрели на него. Вдруг, как это часто бывает, звук гона мгновенно приблизился, как будто вот-вот перед ними самими были лающие рты собак и улюлюканье Данилы.

Граф оглянулся и направо увидал Митьку, который выкатывавшимися глазами смотрел на графа и, подняв шапку, указывал ему вперед, на другую сторону.

– Береги! – закричал он таким голосом, что видно было, что это слово давно уже мучительно просилось у него наружу. И поскакал, выпустив собак, по направлению к графу.

Граф и Семен выскакали из опушки и налево от себя увидели волка, который, мягко переваливаясь, тихим скоком подскакивал левее их к той самой опушке, у которой они стояли. Злобные собаки визгнули и, сорвавшись со свор, понеслись к волку мимо ног лошадей.

Волк приостановил бег, неловко, как больной жабой, повернул свою лобастую голову к собакам и, так же мягко переваливаясь, прыгнул раз, другой и, мотнув поленом (хвостом), скрылся в опушку. В ту же минуту из противоположной опушки с ревом, похожим на плач, потерянно выскочила одна, другая, третья гончая, и вся стая понеслась по полю, по тому самому месту, где пролез (пробежал) волк. Вслед за гончими расступились кусты орешника, и показалась бурая, почерневшая от поту лошадь Данилы. На длинной спине ее комочком, валясь вперед, сидел Данило, без шапки, с седыми встрепанными волосами над красным, потным лицом.

– Улюлюлю, улюлю!.. – кричал он. Когда он увидал графа, в глазах его сверкнула молния.

– Ж...! – крикнул он, грозясь поднятым арапником на графа.

– Про...ли волка-то!.. охотники! – И как бы не удостоивая сконфуженного, испуганного графа дальнейшим разговором, он со всею злобой, приготовленной на графа, ударил по ввалившимся мокрому боку бурого мерина и понесся за гончими. Граф, как наказанный, стоял, оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать в Семене сожаление к своему положению. Но Семена уже не было: он, в объезд по кустам, заскакивал волка от засеки. С двух сторон также перескакивали зверя борзятники. Но волк пошел кустами, и ни один охотник не перехватил его.

* * *

Николай Ростов между тем стоял на своем месте, ожидая зверя. По приближению и отдалению гона, по звукам голосов известных ему собак, по приближению, отдалению и возвышению голосов доезжачих, он чувствовал то, что совершалось в острове. Он знал, что в острове

были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки; он знал, что гончие разбились на две стаи, что где-нибудь травили и что что-нибудь случилось неблагополучное. Он всякую секунду на свою сторону ждал зверя. Он делал тысячи различных предположений о том, как и с какой стороны побежит зверь и как он будет травить его. Надежда сменялась отчаянием. Несколько раз он обращался к богу с мольбой о том, чтобы волк вышел на него; он молился с тем страстным и совестливым чувством, с которым молятся люди в минуты сильного волнения, зависящего от ничтожной причины. «Ну, что тебе стоит, – говорил он богу, – сделать это для меня! Знаю, что ты велик и что грех тебя просить об этом; но ради бога сделай, чтобы на меня вылез матерый и чтобы Карай, на глазах дядюшки, который вон оттуда смотрит, впился ему мертвою хваткой в горло». Тысячу раз в эти полчаса упорным, напряженным и беспокойным взглядом окидывал Ростов опушку лесов с двумя редкими дубами над осиновым подседом, и овраг с измытым краем, и шапку дядюшки, чуть видневшегося из-за куста направо.

«Нет, не будет этого счастья, – думал Ростов, – а что бы стоило! Не будет! Мне всегда, и в картах, и на войне, во всем несчастье». Аустерлиц и Долохов ярко, но быстро сменяясь, мелькали в его воображении. «Только один раз бы в жизни затравить матерого волка, больше я не желаю!» – думал он, напрягая слух и зрение, оглядываясь налево и опять направо и прислушиваясь к малейшим оттенкам звуков гона. Он взглянул опять направо и увидел, что по пустынному полю навстречу к нему бежало что-то. «Нет, это не может быть!» – подумал Ростов, тяжело вздыхая, как вздыхает человек при совершении того, что было долго ожидаемо им. Совершилось величайшее счастье – и так просто, без шума, без блеска, без означенания. Ростов не верил своим глазам, и сомнение это продолжалось более секунды. Волк бежал вперед и перепрыгнул тяжело рытвину, которая была на его дороге. Это был старый зверь, с седой спиной и с наеденным красноватым брюхом. Он бежал неторопливо, очевидно убежденный, что никто не видит его. Ростов, не дыша, оглянулся на собак. Они лежали, стояли, не видя волка и ничего не понимая. Старый Карай, завернув голову и оскалив желтые зубы, сердито отыскивая блоху, щелкал ими на задних ляжках.

– Улюлюлю, – шепотом, оттопыривая губы, проговорил Ростов. Собаки, дрогнув железками, вскочили, насторожив уши. Карай почесал свою ляжку и встал, насторожив уши, и слегка мотнул хвостом, на котором висели войлоки шерсти.

«Пускать? не пускать?» – говорил сам себе Николай в то время, как волк подвигался к нему, отделяясь от леса. Вдруг вся физиономия волка изменилась; он вздрогнул, увидав еще, вероятно, никогда не виданные им человеческие глаза, устремленные на него, и слегка поворотил к охотнику голову, остановился – назад или вперед? «Э! все равно, вперед!..» – видно, как будто сказал он сам себе и пустился вперед, уже не оглядываясь, мягким, редким, вольным, но решительным скоком.

– Улюлю!.. – не своим голосом закричал Николай, и сама собою стремглав понеслась его добрая лошадь под гору, перескакивая через водомоины впоперечь волку; и еще быстрее, обогнав ее, понеслись собаки. Николай не слышал ни своего крика, не чувствовал того, что он скачет, не видал ни собак, ни места, по которому он скачет; он видел только волка, который, усилив свой бег, скакал, не переменяя направления, по ложине. Первая показалась вблизи зверя черно-пегая, широкозадая Милка и стала приближаться к зверю. Ближе, ближе... вот она приспела к нему. Но волк чуть покосился на нее, и, вместо того, чтобы наддать, как это она всегда делала, Милка вдруг, подняв хвост, стала упираться на передние ноги.

– Улюлюлюлю! – кричал Николай.

Красный Любим выскочил из-за Милки, стремительно бросился на волка и схватил его за гачи (ляжки задних ног), но в ту же секунду испуганно перескочил на другую сторону. Волк присел, щелкнул зубами и опять поднялся и поскакал вперед, провожаемый на аршин расстояния всеми собаками, не приближавшимися к нему.

«Уйдет! Нет, это невозможно», – думал Николай, продолжая кричать охрипнувшим голосом.

– Карай! Улюлю!.. – кричал он, отыскивая глазами старого кобеля, единственную свою надежду. Карай из всех своих старых сил, вытянувшись сколько мог, глядя на волка, тяжело скакал в сторону от зверя, наперерез ему. Но по быстроте скака волка и медленности скака собаки было видно, что расчет Карая был ошибочен. Николай уже не далеко впереди себя видел тот лес, до которого добежав, волк уйдет на верное. Впереди показались собаки и охотник, скакавший почти навстречу. Еще была надежда. Незнакомый Николаю, муругий молодой длинный кобель чужой своры стремительно подлетел спереди к волку и почти опрокинул его. Волк быстро, как нельзя было ожидать от него, приподнялся и бросился к муругому кобелю, щелкнул зубами – и окровавленный, с распоротым боком кобель, пронзительно завизжав, ткнулся головой в землю.

– Караюшка! Отец!.. – плакал Николай.

Старый кобель, с своими мотавшимися на ляжках клоками, благодаря происшедшей остановке, перерезывая дорогу волку, был уже в пяти шагах от него. Как будто почувствовав опасность, волк покосился на Карая, еще дальше спрятав полено (хвост) между ног, и надал скаку. Но тут – Николай видел только, что что-то сделалось с Караем, – он мгновенно очутился на волке и с ним вместе повалился кубарем в водомоину, которая была перед ними.

Та минута, когда Николай увидел в водомоине копошащихся с волком собак, из-под которых виднелась седая шерсть волка, его вытянувшаяся задняя нога и с прижатыми ушами испуганная и задыхающаяся голова (Карай держал его за горло), – минута, когда увидел это Николай, была счастливейшей минутой его жизни. Он взялся уже за луку седла, чтобы слезть и колоть волка, как вдруг из этой массы собак высунулась вверх голова зверя, потом передние ноги стали на край водомоины. Волк лякнул зубами (Карай уже не держал его за горло), выпрыгнул задними ногами из водомоины и, поджав хвост, опять отделившись от собак, двинулся вперед. Карай с ошетилившейся шерстью, вероятно, ушибленный или раненый, с трудом вылез из водомоины.

– Боже мой! За что?.. – с отчаянием закричал Николай.

Охотник дядюшки с другой стороны скакал наперерез волку, и собаки его опять остановили зверя. Опять его окружили.

Николай, его стремянной, дядюшка и его охотник вертелись над зверем, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слезть, когда волк садился на зад и всякий раз пускаясь вперед, когда волк встряхивался и подвигался к засеке, которая должна была спасти его.

Еще в начале этой травли, Данило, услышав улюлюканье, выскочил на опушку леса. Он видел, как Карай взял волка, и остановил лошадь, полагая, что дело было кончено. Но когда охотники не слезли, волк встряхнулся и опять пошел наутек, Данило выпустил своего бурого не к волку, но прямой линией, к засеке, так же как Карай, – наперерез зверю. Благодаря этому направлению он подсказывал к волку в то время, как во второй раз его остановили дядюшкины собаки.

Данило скакал молча, держа вынутый кинжал в левой руке и, как цепом, молоча своим арапником по подтянутым бокам бурого.

Николай не видал и не слышал Данилы до тех пор, пока мимо самого его не пропыхтел, тяжело дыша, бурый, и он не услышал звук падения тела и не увидел, что Данило уже лежит в середине собак, на зад у волка, стараясь поймать его за уши. Очевидно было и для охотников, и для собак, и для волка, что теперь все кончено. Зверь, испуганно прижав уши, старался подняться, но собаки облепили его. Данило, привстав, сделал падающий шаг и всею тяжестью, как будто ложась отдыхать, повалился на волка, хватая его за уши. Николай хотел колоть, но Данило прошептал: «Не надо, соструним», – и, переменяв положение, наступил ногою на шею

волку. В пасть волку положили палку, завязали, как бы взнуздав его сворой, связали ноги, и Данило раза два с одного бока на другой перевалил волка.

С счастливыми, измученными лицами живого матерого волка взвалили на шарахающую и фыркающую лошадь и, сопровождаемые визжавшими на него собаками, повезли к тому месту, где должны были все собраться. Молодых двух взяли гончие и трех – борзые. Охотники съезжались с своими добычами и рассказами, и все подходили посмотреть матерого волка, который, свесив лобастую голову с закушенною палкой во рту, большими стеклянными глазами смотрел на всю эту толпу собак и людей, окружавших его. Когда его трогали, он, вздрагивая завязанными ногами, дико и вместе с тем просто смотрел на всех.

Граф Илья Андреич тоже подъехал и потрогал волка.

– О, материщий какой, – сказал он. – Матерый, а? – спросил он у Данилы, стоявшего подле него.

– Матерый, ваше сиятельство, – отвечал Данило, поспешно снимая шапку.

Граф вспомнил своего прозванного волка и свое столкновение с Данилой.

– Однако, брат, ты сердит, – сказал граф. Данило ничего не сказал и только застенчиво улыбнулся детски-кроткой и приятной улыбкой.

* * *

Старый граф поехал домой. Наташа с Петей остались с охотой, обещаясь сейчас же приехать. Охота пошла дальше, так как было еще рано. В середине дня гончих пустили в поросший молодым частым лесом овраг. Николай, стоя на жнивье, видел всех своих охотников.

Насупротив от Николая были зеленя, и там стоял его охотник, один, в яме за выдавшимся кустом орешника. Только что завели гончих, Николай услышал редкий гон известной ему собаки – Волторна; другие собаки присоединились к нему, то замолкая, то опять принимаясь гнать. Через минуту из острова подали голос по лисе, и вся стая, свалившись, погнала по отвершку⁷⁷, по направлению к зеленым, прочь от Николая.

Он видел скачущих выжлятников в красных шапках по краям поросшего оврага, видел даже собак и всякую секунду ждал того, что на той стороне, на зеленях, покажется лисица.

Охотник, стоявший в яме, тронулся и выпустил собак, и Николай увидал красную, низкую, странную лисицу, которая, распушив трубу, торопливо неслась по зеленым. Собаки стали спеть к ней. Вот приблизились, вот кругами стала она вилать между ними, все чаще и чаще делая эти круги и обводя вокруг себя пушистой трубой (хвостом), и вот налетела чья-то белая собака, и вслед за ней черная, и все смешалось, и звездой, врозь расставив зады, чуть колеблясь, стали собаки. К собакам подскакали два охотника: один в красной шапке, другой, чужой, в зеленом кафтане.

«Что это такое? – подумал Николай. – Откуда взялся этот охотник? Это не дядюшкин».

Охотники отбили лисицу и долго, не тороча, стояли пешие. Около них на чумбурах⁷⁸ стояли лошади с своими выступами седел и лежали собаки. Охотники махали руками и что-то делали с лисицей. Оттуда же раздался звук рога – условленный сигнал драки.

– Это илагинский охотник что-то с нашим Иваном бунтует, – сказал стремянный Николай.

Николай послал стремянного позвать к себе сестру и Петю и шагом поехал к тому месту, где доезжачие собирали гончих. Несколько охотников поскакало к месту драки.

Николай, слезши с лошади, остановился подле гончих с подъехавшими Наташей и Петей, ожидая сведений о том, чем кончится дело. Из-за опушки выехал дравшийся охотник с лиси-

⁷⁷ Отвершек – вершина оврага.

⁷⁸ Чумбур – повод уздечки, на котором держат, водят или привязывают коня.

цей в тороках и подъехал к молодому барину. Он издалека снял шапку и старался говорить почтительно; но он был бледен, задыхался, и лицо его было злобно. Один глаз был у него подбит, но он, вероятно, и не знал этого.

– Что у вас там было? – спросил Николай.

– Как же, из-под наших гончих он травить будет! Да и сука-то моя мышастая поймала. Поди, судись! За лисицу хватает! Я его лисицей ну катать. Отдай, в тороках. А этого хочешь? – говорил охотник, указывая на кинжал и, вероятно воображая, что он все еще говорит с своим врагом.

Николай, не разговаривая с охотником, попросил сестру и Петю подождать его и поехал на то место, где была эта враждебная илагинская охота.

Охотник-победитель въехал в толпу охотников и там, окруженный сочувствующими любопытными, рассказывал свой подвиг.

Дело было в том, что Илагин, с которым Ростовы были в ссоре и процессе, охотился в местах, по обычаю принадлежавших Ростовым, и теперь как будто нарочно велел подъехать к острову, где охотились Ростовы, и позволил травить своему охотнику из-под чужих гончих.

Николай никогда не видал Илагина, но, как и всегда в своих суждениях и чувствах не зная середины, по слухам о буйстве и своевольстве этого помещика, всею душой ненавидел его и считал своим злейшим врагом. Он озлобленно-взволнованный ехал теперь к нему, крепко сжимая арапник в руке, в полной готовности на самые решительные и опасные действия против своего врага.

Едва он выехал за уступ леса, как он увидел подвигающегося ему навстречу толстого барина в бобровом картузе на прекрасной вороной лошади, сопровождаемого двумя стремянными.

Вместо врага Николай нашел в Илагине представительного, учтивого барина, особенно желавшего познакомиться с молодым графом. Подъехав к Ростову, Илагин приподнял бобровый картуз и сказал, что очень жалеет о том, что случилось; что велит наказать охотника, позволившего себе травить из-под чужих собак, просил графа быть знакомым и предлагал ему свои места для охоты.

Наташа, боявшаяся, что брат ее наделает что-нибудь ужасное, в волнении ехала недалеко за ним. Увидав, что враги дружелюбно раскланиваются, она подъехала к ним. Илагин еще выше приподнял свой бобровый картуз перед Наташей и, приятно улыбнувшись, сказал, что графиня представляет Диану и по страсти к охоте, и по красоте своей, про которую он много слышал.

Илагин, чтобы загладить вину своего охотника, настоятельно просил Ростова пройти в его угорь, который был в версте, который он берег для себя и в котором было, по его словам, насыпано зайцев. Николай согласился, и охота, еще вдвое увеличившаяся, тронулась дальше.

Идти до илагинского угоря надо было полями. Охотники разровнялись. Господа ехали вместе. Дядюшка, Ростов, Илагин поглядывали тайком на чужих собак, стараясь, чтобы другие этого не заметили, и с беспокойством отыскивали между этими собаками соперниц своим собакам.

Ростова особенно поразила своею красотой небольшая чистопсовая, узенькая, но с стальными мышцами, тоненьким щипцом (мордой) и навывкате черными глазами, красно-пегая сучка в своре Илагина. Он слышал про резвость илагинских собак, и в этой красавице сучке видел соперницу своей Милке.

В середине степенного разговора об урожае нынешнего года, который завел Илагин, Николай указал ему на его красно-пегую суку.

– Хороша у вас эта сучка! – сказал он небрежным тоном. – Резва?

– Эта? Да, это добрая собака, ловит, – равнодушным голосом сказал Илагин про свою красно-пегую Ерзу, за которую он год тому назад отдал соседу три семьи дворовых. – Так и у вас, граф, умотом не хвалятся? – продолжал он начатый разговор. И, считая учтивым

отплатить тем же молодому графу, Илагин осмотрел его собак и выбрал Милку, бросившуюся ему в глаза своею шириной.

– Хороша у вас эта черна-пегая – ладна! – сказал он.

– Да, ничего, скачет, – отвечал Николай. «Вот только бы побежал в поле русак матерый, я бы тебе показал, какая эта собака!» – подумал он. И, обернувшись к стремянному, сказал, что даст рубль тому из охотников, кто подо зрит, то есть найдет лежащего зайца.

– Я не понимаю, – продолжал Илагин, – как другие охотники завистливы на зверя и на собак. Я вам скажу про себя, граф. Меня веселит, знаете, проехаться; вот съедешься с такою компанией... уже чего же лучше (он снял опять свой бобровый картуз перед Наташей); а это, чтобы шкуры считать, сколько привез, – мне все равно!

– Ну да.

– Или чтобы мне обидно было, что чужая собака поймают, а не моя, – мне только бы полюбоваться на травлю, не так ли, граф? Потом я сужу...

– Ату – его! – послышался в это время протяжный крик одного из остановившихся борзятников. Он стоял на полубугре жнивья, подняв арапник, и еще раз повторил протяжно: – А – ту – его! (Звук этот и поднятый арапник означали то, что он видит перед собой лежащего зайца.)

– А, подозрел, кажется, – сказал небрежно Илагин. – Что же, потравим, граф.

– Да, подъехать надо... да что ж, вместе? – отвечал Николай, вглядываясь в Ерзу и в красного Ругая дядюшки, в двух своих соперников, с которыми еще ни разу ему не удалось поровнять своих собак. «Ну что как с ушей оборвут мою Милку!» – думал он, рядом с дядюшкой и Илагиним подвигаясь к зайцу.

– Матерый? – спрашивал Илагин, подвигаясь к подозрившему охотнику и не без волнения оглядываясь и подсвистывая Ерзу...

– А вы, Михаил Никанорыч? – обратился он к дядюшке. Дядюшка ехал насупившись.

– Что мне соваться! Ведь ваши – чистое дело марш! – по деревне за собаку плачены, ваши тысячные. Вы померяйте своих, а я посмотрю!

– Ругай! На, на! – крикнул он. – Ругаюшка! – прибавил он, невольно этим уменьшительным выражая свою нежность и надежду, возлагаемую на этого красного кобеля. Наташа видела и чувствовала скрываемое этими двумя стариками и ее братом волнение и сама волновалась.

Охотник на полугорке стоял с поднятым арапником, господа шагом подъезжали к нему; гончие, шедшие на самом горизонте, заворачивали прочь от зайца; охотники, не господа, тоже отъезжали. Все двигалось медленно и степенно.

– Куда головой лежит? – спросил Николай, подъезжая шагов на сто к подозрившему охотнику. Но не успел еще охотник отвечать, как русак, чуя мороз к завтрашнему утру, не вылежал и вскочил. Стая гончих, на смычках, с ревом понеслась под гору за зайцем; со всех сторон борзые, не бывшие на сворах, бросились на гончих и к зайцу. Все эти медленно двигавшиеся охотники-выжлятники с криком: «стой!», сбивая собак, борзятники с криком: «ату!», направляя собак, – поскакали по полю. Спокойный Илагин, Николай, Наташа и дядюшка летели, сами не зная как и куда, видя только собак и зайца и боясь только потерять хоть на мгновение из вида ход травли. Заяц попался матерый и резвый. Вскочив, он не тотчас же поскакал, а повел ушами, прислушиваясь к крику и топоту, раздававшемуся вдруг со всех сторон. Он прыгнул раз десять не быстро, подпуская к себе собак, и, наконец, выбрав направление и поняв опасность, приложил уши и понесся во все ноги. Он лежал на жнивьях, но впереди были зеленыя, по которым было топко. Две собаки подозрившего охотника, бывшие ближе всех, первые воззрились и заложились за зайцем; но еще далеко не подвинулись к нему, как из-за них вылетела илагинская краснопегая Ерза, приблизилась на собаку расстояния, с страшною быстротой наддала, нацелившись на хвост зайца, и, думая, что она схватила его, покатила кубарем. Заяц выгнул

спину и наддал еще шибче. Из-за Ерзы вынеслась широкозадая черно-пегая Милка и быстро стала спеть к зайцу.

– Милушка, матушка! – послышался торжествующий крик Николая. Казалось, сейчас ударит Милка и подхватит зайца, но она догнала и пронеслась. Русак отсел. Опять надела красавица Ерза и над самым хвостом русака повисла, как будто примеряясь, как бы не ошибиться теперь, схватить за заднюю ляжку.

– Ерзынька! сестрица! – послышался плачущий, не свой голос Илагина. Ерза не вняла его мольбам. В тот самый момент, как надо было ждать, что она схватит русака, он вихнул и выкатил на рубеж между зелеными и жнивьем. Опять Ерза и Милка, как дышловая пара, выровнялись и стали спеть к зайцу; на рубеже русаку было легче, собаки не так быстро приближались к нему.

– Ругай! Ругаюшка! Чистое дело марш! – закричал в это время еще новый голос, и Ругай, красный горбатый кобель дядюшки, вытягиваясь и выгибая спину, сравнялся с первыми двумя собаками, выдвинулся из-за них, наддал со страшным самоотвержением уже над самым зайцем, сбил его с рубежа на зеленя, еще злей наддал другой раз по грязным зеленым, утопая по колена, и только видно было, как он кубарем, пачкая спину в грязь, покатился с зайцем. Звезда собак окружила его. Через минуту все стояли около столпившихся собак. Один счастливый дядюшка слез и отпазанчил. Потряхивая зайца, чтобы стекала кровь, он тревожно оглядывался, бегая глазами, не находя положения рукам и ногам, и говорил, сам не зная с кем и что. «Вот это дело марш... вот собака... вот вытянул всех, и тысячных и рублевых – чистое дело марш!» – говорил он, задыхаясь и злобно оглядываясь, как будто ругая кого-то, как будто все были его враги, все его обижали, и только теперь, наконец, ему удалось оправдаться. «Вот вам и тысячные – чистое дело марш!»

– Ругай, на пазанку! – говорил он, кидая отрезанную лапку с налипшею землей. – Заслужил – чистое дело марш!

– Она вымахалась, три угонки дала одна, – говорил Николай, тоже не слушая никого и не заботясь о том, слушают ли его, или нет.

– Да это что же впоперечь! – говорил илагинский стремянный.

– Да как осеклась, так с угонки всякая дворняжка поймает, – говорил в то же время Илагин, красный, насилиу переводивший дух от скачки и волнения. В то же время Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала так пронзительно, что в ушах звенело. Она этим визгом выражала все то, что выражали и другие охотники своим единовременным разговором. И визг этот был так странен, что она сама должна бы была стыдиться этого дикого визга и все бы должны были удивиться ему, ежели бы это было в другое время. Дядюшка сам второчил русака, ловко и бойко перекинул его через зад лошади, как бы упрекая всех этим перекидыванием, и с таким видом, что он и говорить ни с кем не хочет, сел на своего каурого и поехал прочь. Все, кроме его, грустные и оскорбленные, разъехались и только долго после могли прийти в прежнее притворство равнодушия. Долго еще они поглядывали на красного Ругая, который с испачканной грязью, горбатой спиной, побрякивая железкой, с спокойным видом победителя шел за ногами лошади дядюшки.

«Что ж, я такой же, как и все, когда дело не коснется до травли. Ну, а уж тут держись!» – казалось Николаю, что говорил вид этой собаки.

Когда, долго после, дядюшка подъехал к Николаю и заговорил с ним, Николай был польщен тем, что дядюшка после всего, что было, еще удостоивает говорить с ним.

Павел Мельников-Печерский

В лесах

(отрывок)

Собрались в путь-дорогу. Пробыв день-другой на мельницах в Красной рамени, Патап Максимыч со спутниками поехал на Ветлугу прямою дорогой через Лыковщину. Надобно было верст восемьдесят ехать лесами, где проезжих дорог не бывало, только одни узкие тропы меж высоких сугробов проложены. По тем тропам лесники в зимницы⁷⁹ ездят и вывозят к Керженцу для сплава нарубленный лес. Сторона та совсем не жилая, летом нет по ней ни езду конного, ни ходу пешего, только на зиму переселяются туда лесники и живут в дремучих дебрях до лесного сплава в половодье.

Поехали путники в двоих сани, каждые тройкой гусем запряжены. Иначе и ездить нельзя по лесным тропам. Сначала путь шел торный, – по этому пути обозы из Красной рамени в Лысково ходят, – но когда переехали Керженец и попали в лесную глушь, что тянется до самой Ветлуги и дальше за нее, езда стала затруднительна. Седоки то и дело задевали головами за ветки деревьев и их засыпало снегом, которым точно в саваны окутаны стояли сосны и ели, склоняясь над тропой. Чуть не через каждые полторы-две версты приходилось останавливаться и отгребаться от снега. Тропа была неровная, сани то и дело наклонялись то на одну, то на другую сторону, и седокам частенько приходилось вываливаться и потом, с трудом выбравшись из сугроба, общими силами поднимать свалившиеся набок сани. Тропа все одна, нет своротов ни направо ни налево, и нет никаких признаков близости человека: ни осека⁸⁰, ни просеки, ни даже деревянного двухсаженного креста, каких много наставлено по заволжским лесам, по обычаю благочестивой старины⁸¹. И никакого звука. Разве только затрещит рябчик, перелетая с дерева на дерево, либо забурчит вдали глухарь да заскрипит надломленное дерево, качаемое ветром. Заячьи и волчьи следы частенько пересекают тропу, иногда попадаете след раздвоенных копыт дикой коровы⁸² либо широкой лапы лесного боярина Топтыгина, согнанного с берлоги охотниками.

Перебравшись за Керженец, путникам надо было выбраться на Ялокшинский зимняк⁸³, которым ездят из Лысково в Баки, выгадывая тем верст пятьдесят против объездной проезжей дороги на Дорогучу. Но вот едут они два часа, три часа, давно бы надо быть на Ялокшинском зимняке, а его нет как нет. Едут, едут, на счастье, тепло стало, а то бы плохо пришлось. Не дается зимняк, да и полно. А лошади притомились.

– Да туда ль мы едем? – спросил Патап Максимыч сидевшего на козлах работника. – Коим грехом не заблудились ли?

– Где заблудиться, Патап Максимыч! – отвечал работник. – Дорога одна, своротов нет, сами видели.

– Да в Белкине-то хорошо ли ты расспросил у мужиков про дорогу?

⁷⁹ Зимница – землянка или другое строение для ночевки лесорубов, охотников, рыбаков.

⁸⁰ Осека – изгородь или прясла, отделяющие лес от поля. Ее городят в лесных местах, чтобы пасущийся скот не забрел на хлеб (прим. П. Мельникова-Печерского).

⁸¹ За Волгой, на дорогах, в полях и лесах, особенно на перекрестках, стоят высокие, сажени в полторы или две, осьмиконечные кресты, иногда по несколько рядом. Есть обычай тайно от всех срубить крест и ночью поставить его на перекрестке. Кто перед тем крестом помолится, того молитва пойдет за срубившего крест (прим. П. Мельникова-Печерского).

⁸² Дикая корова – так за Волгой называют лосей (прим. П. Мельникова-Печерского).

⁸³ Зимняк, зимник – зимняя дорога.

– Как же не расспросить, все расспросил как следует. Сказали: как проедешь осек, держи направо до крестов, а с крестов бери налево, тут будет сосна, раскидистая такая, а верхушка у ней сухая, от сосны бери направо... Так мы и ехали.

– У крестов сворачивали? – спрашивал Патап Максимыч.

– Как же не сворачивать, направо своротил, как было сказано.

– И у сосны сворачивал?

– И у сосны своротил, – ответил работник. – На ней еще ясак вырублен, должно быть, бортевое дерево⁸⁴ было. Тут только вот одного не вышло против того, что сказывали ребята в Белкине.

– А что говорили ребята? – спросил Патап Максимыч.

– Да сказывали: будет маленький долок⁸⁵, и как-де переедешь долок, сосна будет с обеих сторон отесанная: а тут и Керженец.

– Ну?

– Долок-от был, еще мы вывалились тут, а тесаной сосны не видать, я смотрел, смотрел ее, нет сосны, гляжу, ан на Керженец выехали.

– Стало быть, тут мы и спутались, – закричал, разгорячась, Патап Максимыч. – Чтоб тебе высохнуть, дурыи твои глаза! Зачем тесану сосну прозевал?

– Да не было ее, Патап Максимыч, – отвечал оторопевший работник. – Не родить же ее мне, коли нет.

– Да ведь тебе белкински ребята говорили: держи на сосну. Для че не держал? – кричал Патап Максимыч.

– Да где ж мне ее взять, сосну-то? Ведь не спрятал я ее. Что ж мне делать, коли нет ее, – жалобно голосил работник. – Разве я тому делу причинен? Дорога одна была, ни единого сворота.

– Да сосна-то где? Сосна-то? – закричал Патап Максимыч, хватив увесистым кулаком работника по загорбку.

– Может статья, срубили, – пропищал, нагнувшись на передок, работник.

– Срубили! Коему лешему порчену сосну рубить, коль здорового леса видимо-невидимо! – орал Патап Максимыч. – Стой, чертова образина!

Работник остановил лошадей. Понурился, они тяжело дышали, пар так и валил с них. Патап Максимыч вылез из своих саней и подошел к задним, где сидел Стуколов. Молчаливый Дюков, уткнув голову в широкий лисий малахай, спал мертвым сном.

– Так и есть, заблудились, – сказал Патап Максимыч паломнику. – Что тут станешь делать?

– Да сам-то ты ездил ли прежде по этим дорогам? – спросил его Стуколов.

– Сроду впервые, – отвечал Патап Максимыч.

– И работники не езжали? – спросил Стуколов.

– Како езжать? – отозвался Патап Максимыч. – Кого сюда леший понесет? Ведь это сам ты видишь, что такое: выехали – еще не брезжилось, а гляди-ка, уж смеркаться zaczynaет. Где мы, куда заехали, сам леший не разберет... Беда, просто беда... Ах, чтобы всех вас прорвало! – ругался Патап Максимыч. – И понесло же меня с тобой: тут прежде смерти живот положишь!

– В сибирских тайгах то ли бывает, – отозвался паломник. – По неделям плутают, случается, что и голодной смертью помирают...

– Голодом помереть не померем, пирогов да всякой всячины у нас, пожалуй, на неделю хватит, – спокойно отвечал Патап Максимыч. – И лошадям корму взято довольно. А заночевать в лесу придется... Хоть бы зимница какая попалась... Ночью-то волки набегут: теперь

⁸⁴ Бортевое дерево – дерево с дуплом, в котором разводят пчел.

⁸⁵ Долок – маленькая долина, дол.

им голодно. Пора же такая, что волки стаями рыщут. Завтра ихний день: звериный царь именинник⁸⁶.

– Бог милостив, – промолвил паломник. – И не из таких напастей господь людей выносит... Не суетись, Патап Максимыч, – надо дело ладом делать. Сам я глядел на дорогу: тропа одна, поворотов, как мы от паленой с верхушки сосны отъехали, в самом деле ни единого не было. Может, на эту зиму лесники ину тропу пробили, не прошлогоднюю. Это и в сибирских тайгах зачастую бывает... Не бойся – со мной матка есть, она на путь выведет. Не бойся, говорю я тебе.

– Какая тут матка? Бредишь ты, что ли? – с досадой молвил Патап Максимыч. – Тут дело надо делать, а он про свою матку толкует.

– Вот она, – сказал Стуколов, вынимая из дорожного кошель круглую деревянную коробку с компасом. – Не видывал? То-то... Эта матка корабли водит, без нее, что в море, что в пустыне аль в дремучем лесу, никак невозможно, потому она все стороны показывает и сбиться с пути не дает. В Сибири в тайгу без матки не ходят, без нее беда, пропадешь.

⁸⁶ Звериный царь именинник – день 18 февраля (память святого Льва, папы римского) в заволжском простонародье зовется львиным днем. Это по тамошнему поверью праздник звериного царя, его именины. На свои именины лев все разрешает своим подданным. К тому дню волки свадьбы свои пригоняют (*прим. П. Мельникова-Печерского*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.